

ДЖОН СКАЛЬЦИ.

Японская премия
сэйун

Спаси себя сам
или умри

ПОСЛЕДНЯЯ
КОЛОНИЯ

fanzon

Война старика

Джон Скальци

Последняя колония

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Скальци Д.

Последняя колония / Д. Скальци — «Эксмо», 2007 — (Война старика)

ISBN 978-5-04-180103-8

Премия Сэйун Финалист премий Hugo, Locus, Сталкер, Немецкой фантастической премии. Конфликт между конклавом инопланетных видов и Союзом колоний разрастается. Запрет конклава на колонизацию новых планет вынуждает людей идти на хитрость. Основанную втайне новую колонию Роанок возглавляют Джон Перри и Джейн Саган, которые переселяются сюда вместе с приемной дочерью Зои, сопровождаемой представителями обинян. Вместе им предстоит обороняться от 412 видов инопланетян конклава. Вечные недомолвки руководства Союза колоний вызывают все большее напряжение, и поселенцы, чувствующие себя пешками в чужой игре, начинают искать альтернативные пути решения проблем. «Захватывающая смесь межзвездных приключений и политических интриг у Скальци неизменно привлекательна!» — Booklist «Высший класс. От боевых сцен стынет кровь». — Washington Post «Чистый эскапизм. Умные диалоги, быстро раскручивающийся сюжет и сильные персонажи — все напоминает Роберта Хайнлайна». — The Times «Неподдельный восторг. Заманчиво, тонко и хорошо написано». — Daily Telegraph

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-180103-8

© Скальци Д., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

1	7
2	22
3	35
4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джон Скальци

Последняя колония

John Scalzi

Last Colony

Copyright © John Scalzi 2007

Cover © Dark Crayon

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2023

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дизайн серии Елены Куликовой

* * *

*Патрику и Терезе Нильсен Хэйден – друзьям и редакторам.
Хизер и Бобу, сестре и брату.
Афине, дочери.
Кристине – ты мое все.*

1

Давайте-ка я расскажу вам о тех мирах, которые оставил позади.

Землю вы знаете – все ее знают. Это место, откуда вышло человечество, хотя, если говорить честно, родным домом эту планету считают немногие. Повелось это с тех времен, как образовался Союз колоний, руководящий распространением нашей расы по вселенной и осуществляющий силовую поддержку этой экспансии, звание же «дома человечества» узурпировал Феникс. Но ведь место, откуда ты вышел, забыть невозможно.

Быть выходцем с Земли в этой вселенной – все равно что оказаться в положении ребенка из глухой провинции, который приехал на автобусе в большой город и целый день шляется по нему, пялясь на небоскребы. Затем он получает по мозгам от странных существ, населяющих незнакомый мир, за дурацкую манеру разевать рот на местные чудеса, потому что у этих существ нет ни свободного времени, ни симпатии к новичку, зато есть большое желание прикончить его ради содержимого чемодана. Провинциальный ребенок быстро усваивает все это по той простой причине, что вернуться домой он не может.

Я прожил на Земле семьдесят пять лет, прошедших главным образом в одном и том же городишке в Огайо, и разделил большую часть своей судьбы с одной-единственной женщиной. Она умерла и осталась дома. Я до сих пор жив, но покинул дом.

О том, что было дальше, лучше рассуждать метафорически. Силы самообороны колоний увезли меня с Земли и сохранили те мои части, которые им требовались: сознание и небольшую порцию ДНК. Из последнего они выстроили для меня новое тело – молодое, проворное, сильное, красивое, но человеческое лишь отчасти. В это тело поместили мое сознание, но почти не дали времени насладиться второй молодостью. Следующие несколько лет ССК неустанно бросали меня в сражения против любых подвернувшихся враждебных инопланетных рас.

А таких было множество. Вселенная действительно просторна, но миров, пригодных для жизни человека, в ней на удивление мало. Космос заполнен многочисленными расами разумных существ, мечтающих заполучить во владение те же самые планеты, которые нравятся нам. Лишь очень немногие из этих рас согласны делиться с другими, и человечество определенно к этому меньшинству не относится. Мы постоянно сражаемся, и миры, пригодные для жизни, переходят из одних рук в другие, пока кто-то не вцепится в спорный кусок намертво. На протяжении двух с лишним веков мы, люди, отвоевали несколько дюжин миров, но во множестве других получили по шапке. Ни тот ни другой исход не помогли нам обзавестись новыми друзьями.

Так прошло шесть лет. Я почти непрерывно сражался и не раз находился на волосок от гибели. У меня были друзья, большинство из них погибли, но некоторых мне удалось спасти. Я встретил женщину, до боли походившую на ту, с которой некогда делил мою жизнь на Земле, но она была тем не менее совершенно иным человеком. Я защищал Союз колоний и при этом был уверен, что помогаю человечеству выжить во вселенной.

В конце концов Силы самообороны колоний извлекли ту часть, которая, собственно, и была мною, и переместили ее в третье и последнее тело. Оно тоже было молодым, но далеко не столь прытким и сильным, как предыдущее. Как-никак это было всего лишь человеческое тело. Но от него уже не требовалось броситься в бой и героически погибнуть. Мне жалко было силы и возможностей, которым позавидовал бы супергерой из мультфильмов. Зато теперь не надо было опасаться любого инопланетного существа, первым делом готового убить. Обмен оказался вполне справедливым.

Скорее всего, о следующем мире вы никогда не слышали. Представьте себя снова на Земле, в нашем старом доме, где все еще живут и мечтают о звездах миллиарды людей. Найдите на небе, совсем рядом с Большой Медведицей, созвездие Рыси.

Там есть одна звезда – желтая, совсем как наше Солнце, – вокруг которой вращаются шесть крупных планет. Третья по порядку представляет собой неплохую подделку Земли: 96 процентов окружности, но с несколько более крупным железным ядром, из-за которого его масса составляет 101 процент земной (вряд ли вы сможете заметить этот лишний процент). Два спутника: один, в две трети размера Луны, находится несколько ближе, чем спутник Земли, и потому выглядит на небе практически так же. Вторая луна – захваченный астероид – намного меньше и находится гораздо ближе. Орбита у этого спутника нестабильная, и в конце концов он обязательно упадет на планету. По наиболее оптимистичным оценкам, это случится приблизительно через четверть миллиона лет. Нынешние аборигены совершенно не тревожатся по этому поводу.

Этот мир люди обнаружили около семидесяти пяти лет назад; в то время там была колония иаланцев, но Силы самообороны колоний исправили положение. Тогда иаланцы принялись за, если будет позволено так выразиться, проверку наших вычислений, и итоговый результат оказался достигнут лишь через несколько лет. Когда же это случилось, Союз колоний открыл мир для колонистов с Земли, главным образом из Индии. Они прибывали несколькими волнами. Первая накатилась после того, как удалось отбить натиск иаланцев, а вторая – вскоре после окончания Субконтинентальной войны на Земле, когда поставленное победителями временное правительство предложило самым видным сторонникам режима Чоудхери выбор: или колонизация, или тюрьма. Большинство предпочли изгнание и забрали с собой всех родственников. Эти люди вовсе не стремились к звездам, их туда вышвырнули.

Учитывая особенности населения планеты, вы, конечно, подумаете, что ее название будет как-то связано с историческим наследием жителей. А вот и нет. Планета называется Гекльберри, и это имя ей, без сомнения, дал какой-то поклонник Марка Твена из числа аппаратчиков Союза колоний. Большая луна Гекльберри – Соьер, маленькая – Бекки. Три главных континента – Сэмюель, Ленгхорн и Клеменс; от Клеменса в океан Калаверас уходит длинная извилистая цепь вулканических островов, известных как архипелаг Лайви. Большинство крупных объектов планеты получило названия, так или иначе связанные с творчеством великого американца, еще до прибытия первых поселенцев, а они, кажется, отнеслись к тому, что им предложили, с полной благосклонностью.

Теперь встаньте на этой планете рядом со мной. Посмотрите на небо, в направлении созвездия Лотос. Там тоже есть звезда, такого же желтого цвета, как и та, вокруг которой вращается Гекльберри. Там я родился две предыдущие жизни тому назад. Эта звезда так далеко отсюда, что ее не разглядишь простым глазом, и вот так же я частенько воспринимаю жизнь, которую вел там.

Меня зовут Джон Перри. Мне восемьдесят восемь лет. Я прожил на новой планете уже без малого восемь лет. Здесь находится мой дом, который я разделяю с женой и приемной дочерью. Добро пожаловать на Гекльберри. В этой истории он будет очередным из тех миров, с которыми я расстаюсь. Но не последним.

История о том, как я покинул Гекльберри, начинается – как и все достойные истории – с козы.

Когда я вернулся после ланча, Савитри Гунтупалли, моя помощница, даже не оторвала взгляда от книги.

– В вашем кабинете коза, – сказала она.

– Х-м-м-м-м... – протянул я. – А мне-то казалось, что у нас хорошие отношения.

Лишь после этого я удостоился взгляда, в котором явственно читалось торжество победительницы.

– С ней явились братья Ченджелпет, – пояснила помощница.

– Вот дерьмо, – выругался я.

Последнюю известную пару братьев, между которыми были столь же плохие отношения, как и у братьев Ченджелпет, звали Каин и Авель, но из тех один все же отважился в конце концов на решительный шаг.

– Если мне не изменяет память, я просил тебя не пускать эту парочку в мой кабинет, когда меня там нет.

– Ничего подобного вы не говорили, – возразила Савитри.

– В таком случае давай сделаем это постоянным правилом, – предложил я.

– И даже если бы вы это сказали, – назидательным тоном продолжала Савитри, отложив книгу, – нужно, чтобы кто-то из Ченджелпетов послушался меня, чего не может быть ни при каких обстоятельствах. Сначала туда вперся Афтаб с козой, а следом за ним и Ниссим. Ни тот, ни другой даже не взглянули в мою сторону.

– Я не хочу иметь никаких дел с Ченджелпетами, – заявил я. – Ведь я только что поел.

Савитри наклонилась, нырнула под стол, выволокла корзину для бумаг и водрузила ее посреди столешницы.

– Если так, то полезнее будет поблевать до, – заявила она.

Я познакомился с Савитри несколько лет назад, когда объезжал колонии как представитель ССК и произносил речи в тех местах, куда меня посылали. Во время собрания в деревне Новый Гоа в колонии Гекльберри Савитри поднялась с места и обозвала меня орудием имперского и тоталитарного режима Союза колоний. Мне она понравилась с первого взгляда. Когда я наконец-то расстался с ССК, то решил поселиться в Новом Гоа. Мне предложили место омбудсмена¹ (хотя мою должность правильнее было бы назвать деревенским мировым судьей), на что я согласился, и с немалым удивлением в первый же день работы встретил в своей конторе Савитри, которая заявила мне, что будет моей помощницей, хочу я этого или нет.

– Напомни-ка мне еще раз, почему ты взялась за эту работу, – потребовал я, глядя на Савитри через корзину для бумаг.

– Из-за глубокой порочности натуры, – ответила она. – Так вы будете блевать или нет?

– Надеюсь, что смогу сдержаться.

Она схватила корзину, поставила ее на место и взялась за книгу.

И тут меня осенило.

– Эй, Савитри, хочешь занять мое место?

– Еще как, – ответила она, открыв нужную страницу. – И начну сразу же после того, как вы разберетесь с Ченджелпетами.

– Большое тебе спасибо, – внушительно произнес я.

Савитри хмыкнула и вновь погрузилась в литературные приключения. Я же собрался с силами и открыл дверь кабинета.

Коза, стоявшая посреди комнаты, была очень симпатичной. Ченджелпеты, сидевшие на стульях перед моим столом, – нисколько.

– Афтаб, – сказал я, кивнув старшему брату, – Ниссим, – кивнув младшему, – и подруга, – завершил я приветствие, кивнув козе, после чего сел на свое место. – Чем я могу быть вам полезен нынче днем?

– Судья Перри, вы должны дать мне разрешение застрелить моего брата, – заявил Ниссим.

– Не уверен, что имею на это право, – ответил я. – К тому же мне кажется, что это будет немного чересчур. Почему бы вам для начала не рассказать мне, что случилось?

Ниссим ткнул пальцем в сторону брата.

– Этот ублюдок украл мое семя.

– Не понял, – отозвался я.

¹ Омбудсмен – лицо, назначенное правительством для разбора жалоб частных лиц на государственные учреждения.

– Мое семя, – повторил Ниссим. – Спросите его сами. Он не посмеет отпираться.

Я пару раз моргнул, пытаясь сообразить, в чем тут дело, и повернулся к Афтабу:

– Значит, украл семя родного брата... И что же это значит, а, Афтаб?

– Вы должны простить моего брата, – ответил Афтаб. – Вы же знаете, что он склонен к истерикам. Все, что он тут говорит, означает, что один из его козлов забрел с его пастбища на мое и оплодотворил вот эту козочку, а теперь он утверждает, что я украл сперму его козла.

– Это был не просто какой-нибудь там козел, – возмутился Ниссим. – Это был Прабхат, мой призер. Я пускаю к нему коз за очень хорошую цену, а Афтаб отказался платить. Вот и получается, что он украл мое семя.

– Не твое семя, а семя Прабхата, идиот ты этакий, – огрызнулся Афтаб. – И нет никакой моей вины в том, что ты довел свою ограду до такого состояния, что твой козел смог забраться на мою землю.

– И на все у него есть отговорки! – воскликнул Ниссим. – Судья Перри, я должен поставить вас в известность, что проволока на заборе была перерезана. Прабхата заманили на его землю.

– Ты бредишь, – возразил Афтаб. – И даже если бы это было правдой – а это неправда, – так что же с того? Ты же получил своего драгоценного Прабхата назад.

– Но теперь у тебя есть вот эта сукотная коза, – сказал Ниссим. – За ее случку ты не платил, и я не давал тебе на это разрешения. Это воровство, и ничто иное. Только еще хуже – ты пытаешься разорить меня.

– Что такое ты несешь? – вскинулся Афтаб.

– Ты хочешь завести нового племенного козла, – сказал Ниссим, глядя на меня, после чего указал на козу, самозабвенно грызущую спинку стула, на котором сидел Афтаб. – И не пытайся увильнуть. Это твоя лучшая коза. Случив ее с Прабхатом, ты заимеешь козла, которого сможешь пускать к козам. Ты хочешь подорвать мой бизнес. Спросите его, судья Перри. Спросите его, кого носит его коза.

Я перевел взгляд на Афтаба.

– Кого носит твоя коза, Афтаб?

– По чистому совпадению один из зародышей мужской, – ответил Афтаб.

– Я требую прервать беременность! – заявил Ниссим.

– Это не твоя коза! – отозвался Афтаб.

– Тогда я возьму себе козленка как плату за то семя, которое ты украл.

– Ну вот, опять, – вздохнул Афтаб и повернулся ко мне: – Сами видите, судья Перри, что мне приходится терпеть. Он пускает своих козлов свободно бегать по всей округе, спариваться с кем попало, а потом требует, чтобы ему еще и платили за то, что он не желает следить за своим стадом.

Ниссим яростно взревел и принялся что-то неразборчиво выкрикивать, размахивая руками. Афтаб последовал его примеру. Коза подошла к столу и с любопытством уставилась на меня. Я выдвинул ящик и угостил ее лежавшей там конфетой.

– Вообще-то нам с тобой здесь совершенно нечего делать, – сказал я.

Коза промолчала, но я не сомневался, что она согласна со мной.

Изначально предполагалось, что в работе деревенского омбудсмана нет ничего сложного: речь шла о том, чтобы в тех случаях, когда у сельских жителей Нового Гоа будут возникать сложности в отношениях с местными или районными властями, они приходили бы ко мне, а я помогал бы им преодолевать бюрократические заслоны и добиваться цели. Фактически это был единственный вид работы, к которой можно было приспособить отставного героя-войку, во всех иных отношениях совершенно бесполезного для повседневной жизни в крупной сельскохозяйственной колонии: заслуженная в боях слава должна заставить любых, самых больших шишек обратить на него внимание, когда он появляется на пороге.

Сложность оказалась в том, что через несколько месяцев крестьяне из Нового Гоа стали обращаться ко мне с самыми разнообразными нуждами.

– Знаете, мы не хотим лишний раз связываться с чиновниками, – объяснил мне один из жителей, когда я любопытствовал, по какой такой причине вдруг оказался человеком, к которому идут за советами, касающимися самых разных областей жизни: от сельскохозяйственного оборудования до сватовства. – До вас добаться куда легче и быстрее.

Рохит Кулкарни, администратор Нового Гоа, чрезвычайно обрадовался такому раскладу, поскольку те дела, с которыми раньше приходилось разбираться ему, теперь решал я. У него сразу прибавилось времени для рыбалки и игры в домино в местной чайной.

По большей части я получал удовольствие от выполнения своих новых и чрезвычайно расширенных обязанностей омбудсмена. Мне нравилось помогать людям, и было приятно, что они прислушиваются к моим советам. С другой стороны, любой гражданский чиновник скажет вам, что среди вверенного его заботам населения имеется пара-тройка смутьянов, съедающих львиную долю его времени и сил. В Новом Гоа эту роль играли братья Ченджелпеты.

Никто не знал, почему они так ненавидят друг друга. Поначалу я думал, что в их вражде виноваты родители, но для Бхаджана и Нирал – кстати, прекрасных людей – взаимоотношения братьев представляли такую же загадку, как и для всех остальных. Случается, что два человека никак не могут ужиться между собой, и, к сожалению, в нашем случае такое несчастье обрушилось на родных братьев.

Положение усугублялось еще и тем, что их фермы располагались по соседству, и потому они не только почти постоянно видели друг друга, но и вынуждены были поддерживать деловые контакты. Однажды, еще в самом начале моей службы здесь, я предложил Афтабу, который казался мне чуть более разумным, подумать о том, чтобы подобрать себе другой участок земли на другом конце деревни, поскольку разъединить его и Ниссима значило бы разом убрать большую часть существующих поводов для вражды.

– Как же! Ему только этого и надо! – ответил мне Афтаб чрезвычайно спокойным, рассудительным тоном.

После этого я оставил все надежды на более или менее разумный разговор о возникающих между ними осложнениях и смирился с тем, что судьбой мне уготованы страдания в виде набегов неисполненных гнева братьев Ченджелпет.

– Ладно! – повысил я голос, перебивая яростные инвективы братьев. – Вот что я об этом думаю. Мне кажется, что совершенно не важно, каким образом залетела эта наша милая подружка, и потому не будем на этом останавливаться. Но ведь вы оба согласны, что это сотворил козел Ниссима.

Оба Ченджелпета закивали, коза по-прежнему хранила скромное молчание.

– Вот и прекрасно. Тогда вам обоим придется вести дело совместно. Афтаб, козленок останется у тебя, и, когда он вырастет, можешь оставить козла себе и, если тебе так захочется, слушать его с козами. Но за первые шесть случаев вся плата пойдет Ниссиму, а потом твой брат будет получать половину платы за случай.

– Он назло будет первые шесть раз пускать своего козла к козам бесплатно, – возразил Ниссим.

– В таком случае давайте установим, что минимальная ставка за случай, начиная с седьмого раза, будет равна средней от первых шести, – предложил я. – Так что, Ниссим, если он попытается надуть тебя, то в итоге надует сам себя. К тому же у нас здесь маленькая деревня. Люди не станут слушать своих коз с козлом Афтаба, если решат, что он завел себе козла только для того, чтобы навредить тебе и помешать зарабатывать на жизнь. Можно обладать полезной вещью, но быть плохим соседом и ощущать на себе все беды от неприязни односельчан.

– А что, если я не хочу вести с ним совместное дело? – спросил Афтаб.

– Тогда ты можешь продать козленка Ниссиму, – ответил я.

Ниссим открыл было рот, но я не дал ему возразить.

– Да, продать, – повторил я, прежде чем он успел сказать хоть слово. – Отнеси козленка к Мурали и спроси, что он скажет. Такой и будет цена. Мурали не питает особой симпатии ни к тебе, ни к тебе, поэтому цена будет справедливой. Идет?

Ченджелпеты задумались над моими словами, то есть напрягли мозги, пытаясь сообразить, можно ли найти какой-то иной выход, при котором одному из них пришлось бы заметно хуже, чем другому. В конечном счете оба, похоже, решили, что им придется страдать одинаково, а в этой ситуации такой результат был, по-моему, оптимальным. Так что им осталось лишь сдержанно кивнуть.

– Вот и прекрасно, – подытожил я. – А теперь шли бы вы отсюда, пока с моим ковром не приключилась неприятность.

– Моя коза никогда такого не допустит! – возмутился Афтаб.

– Я беспокоюсь вовсе не из-за козы, – ответил я, указывая им на дверь.

Они удалились, так и не поняв, что я имел в виду, и в кабинете тут же появилась Савитри.

– Вы заняли мое кресло, – заявила она.

– Считаю, что я тебя обманул. – Я положил ноги на стол. – Раз ты не научилась справляться со сложными делами, значит, ты не готова к высокому посту.

– В таком случае я вернусь к скромной роли вашей секретарши и смиренно сообщу, что, пока вы развлекались с Ченджелпетами, вам звонил констебль.

– Что же было нужно констеблю?

– Не знаю. Я только успела сказать, что вы заняты. Вы же знаете констебля. Сплошная грубость.

– Суровая справедливость – вот девиз нашего констебля, – изрек я. – Если случилось что-то действительно важное, я рано или поздно об этом узнаю, тогда и буду беспокоиться. А пока что займусь бумагами.

– У вас нет бумаг, – безжалостно констатировала Савитри. – Вы отдаете их мне.

– Ну и как, все готово?

– Пора бы вам усвоить, что готово, – наставительным тоном заметила Савитри.

– В таком случае, думаю, мне можно расслабиться и погреться в лучах собственной славы великого мастера управления.

– Я очень рада, что вы не наблевали в мою корзину для бумаг, – нахально заявила Савитри. – По крайней мере, я сама смогу воспользоваться ею для той же цели.

И довольная, что последнее слово осталось за ней, она закрыла дверь, не дав мне возможности сразить ее блестящей репликой.

Такие отношения установились у нас к исходу первого месяца совместной работы. За это время она пришла к выводу, что, несмотря на мое военное прошлое, я не был слепым орудием колониализма. А даже если и был, то у меня все же имелись здравый смысл и какое-никакое чувство юмора. Поняв, что я не собираюсь подчинить своей власти ее деревню, она успокоилась и принялась поддразнивать и подкусывать меня при каждом удобном случае. Такими наши отношения и оставались на протяжении семи лет, и это мне нравилось.

Зная, что все требующиеся документы подготовлены и все насущные проблемы деревни решены, я поступил так, как поступил бы любой в моем положении: задремал. Добро пожаловать в грубый и суматошный мир мирового поверенного (простите за каламбур) колониальной деревни. Возможно, где-то принято вести себя по-другому, но если это так, то я не хочу об этом знать.

Я проснулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Савитри запирает шкафы, собираясь уходить. Помахав ей на прощание, я еще несколько минут посидел неподвижно, а затем оторвал задницу от стула и направился домой. По пути я случайно увидел констебля, идущего мне

навстречу по другой стороне дороги. Я подошел и смачно поцеловал местного представителя правоохранительных структур в губы.

– Ты же знаешь, что мне не нравится, когда ты так поступаешь, – сказала Джейн, когда я оторвался от нее.

– Тебе не нравится, когда я тебя целую?

– Когда я нахожусь на работе – не нравится. Это подрывает мой авторитет.

Я улыбнулся, подумав, какое разочарование ждало бы любого злоумышленника, который, глядя на то, как Джейн – в прошлом офицер Специальных сил – целуется со своим мужем, решил бы, что она мягкий или нерешительный человек. Сокрушительный пинок под задницу мгновенно разубедил бы его в этом.

– Извини. Постараюсь впредь не подрывать твой авторитет.

– Спасибо, – серьезным тоном отозвалась Джейн. – Но я все равно шла к тебе, потому что ты мне так и не перезвонил.

– Сегодня я был чертовски занят, – соврал я.

– Савитри подробно рассказала мне о твоих занятиях, когда я звонила второй раз.

– Увы.

– Увы, – согласилась Джейн.

Мы не спеша направились в сторону нашего дома.

– Ну а я хотела предупредить тебя, что завтра ты можешь рассчитывать на визит Гопала Бопарая, который вознамерился узнать, как устроено коммунальное хозяйство. Он снова напился до потери рассудка. И поругался с коровой.

– Плохая карма, – усмехнулся я.

– Корова, наверно, тоже так решила. Она боднула его в грудь и попыталась запихнуть в витрину магазина.

– Го сильно пострадал?

– Отделался царапинами, – успокоила меня Джейн. – Витрина выдавилась. Потому что была не стеклянная, а пластиковая. Не ломается, не бьется и не может порезать осколками.

– Это уже третий раз в этом году. С ним должен разбираться не я, а настоящий судья, наделенный правом казнить и миловать.

– Именно это я ему и сказала. Но он уже отбыл сорок дней принудительных работ в районной тюрьме, а у Шаши через две-три недели подходит срок родов. Какой ни есть, он принесет ей больше пользы, если будет рядом, а не в тюрьме.

– Ладно, – пообещал я, – выясню, что можно для него сделать.

– Как прошел день? – осведомилась Джейн. – Если не считать того, что ты хорошо выпался.

– Этот день прошел под знаком Ченджелпетов, – пожаловался я. – На сей раз с козлами и козами.

Так, болтая о событиях минувшего дня, мы с Джейн шли домой; таким было едва ли не каждое наше возвращение на маленькую ферму, которую мы устроили сразу за пределами деревенской земли. Свернув на ведущую к нам дорогу, мы столкнулись с нашей дочерью Зои. Ее сопровождал Варвар, беспородный пес, который, как всегда, безумно обрадовался нам.

– Он угадал, что вы идете. – Зоя слегка запыхалась. – Рванул вам навстречу. Мне пришлось догонять его бегом.

– Приятно знать, что хоть кто-то без нас скучает, – отозвался я.

Джейн наклонилась и погладила Варвара, который изобразил настоящую бурю восторга. Я чмокнул Зою в щеку.

– К вам приехал гость, – сообщила дочь. – К вам обоим. Объявился у нас около часа назад. Приехал на флотере.

В округе флотеров не было ни у кого: для сельского хозяйства они крайне непрактичны и могли бы сгодиться разве что для пуска пыли в глаза, причем и в переносном, и в прямом смысле. К счастью, наши односельчане не имели склонности к такому поведению. Я взглянул на Джейн. Она пожала плечами, дескать, я никого не жду.

– И как же он представился? – спросил я.

– Он вообще не представился. Только сказал, что он – старый друг Джона. Я предложила ему позвонить тебе, а он ответил, что с удовольствием подождет.

– Ладно. Скажи хотя бы, как он выглядит, – попросил я.

– Молодой. Вроде как хорошенький.

– Я не думаю, что у меня есть знакомые хорошенькие парни. Ведь это больше по твоей части, юная дочь, верно?

Зои возвела глаза к небу и ухмыльнулась с деланой язвительностью.

– Так точно, девяностолетний папаня. А вот если бы ты позволил мне договорить, то услышал бы одно слово, которое убедило меня, что ты и впрямь мог знать его. А я хотела сказать, что он не только хорошенький, но еще и зелененький.

Мы с Джейн снова переглянулись. Зеленая кожа была у солдат ССК; этот цвет ей придавал хлорофилл, поставлявший бойцам дополнительную энергию. И у Джейн, и у меня кожа некоторое время была зеленой. Впоследствии я вернул себе свой первоначальный цвет, и Джейн тоже разрешили выбрать более заурядную окраску кожи.

– Он не сказал, что ему нужно? – спросила Джейн.

– Не-а. Да я и не спрашивала. Я просто решила, что будет лучше выйти вам навстречу и предупредить. А его я оставила на крыльце.

– Наверно, сейчас он вынюхивает, что и где у нас лежит, – предположил я.

– Сомневаюсь, – возразила Зои. – Я оставила Хикори и Дикори, чтобы они присматривали за ним.

Я усмехнулся.

– А это значит, что он с места не сойдет до твоего возвращения.

– Во-во, я точно так и подумала.

– Ты мудра не по годам, юная дочь, – сказал я.

– Кто-то же должен компенсировать твой маразм, девяностолетний папаня.

Она бегом устремилась обратно к дому. Варвар потрусил за ней.

– Никакого почтения, – пожаловался я Джейн. – Такого она могла набраться только от тебя, больше не от кого.

– Она же приемная, – парировала Джейн. – К тому же умник в нашей семье ты, а не я.

– Впрочем, все это мелочи. – Я взял ее под руку. – Пойдем. Я хочу посмотреть, сильно ли перепугался наш гость.

Гостя мы обнаружили сидящим на ступеньке крыльца под пристальным надзором двух наших молчаливых обинян. Я узнал его с первого взгляда.

– Генерал Райбики! – воскликнул я. – Вот это сюрприз!

– Привет, майор, – отозвался Райбики (он обратился ко мне по моему последнему воинскому званию) и добавил, указав на обинян: – Пока мы не виделись, у вас появились новые интересные друзья.

– Это Хикори и Дикори. Приятели моей дочери. Чрезвычайно милые и безобидные, если, конечно, не решат, что вы можете представлять для нее опасность.

– И что же случается в таком случае? – осведомился Райбики.

– Они становятся совсем другими. Но обычно все кончается очень быстро.

– Восхитительно, – отозвался Райбики.

Я отпустил обинян, и они отправились искать Зои.

– Благодарю, – сказал Райбики. – Обиняне всегда действуют мне на нервы.

– В этом-то и весь смысл, – ответила Джейн.

– Это я понимаю. Надеюсь, вы не сочтете неприличным любопытством, если я спрошу, почему вашу дочь сопровождают телохранители-обиняне?

– Они не телохранители, а спутники, – пояснила Джейн. – Зои – наша приемная дочь. Ее биологический отец – Чарльз Бутэн.

Райбики удивленно вскинул брови – высокое звание позволяло ему кое-что знать об этом человеке.

– Обиняне благоговели перед Бутэном, но его больше нет на свете. Они сочли необходимым узнать, что случилось с его дочерью, и прислали этих двоих, чтобы они были рядом с нею.

– И это ее нисколько не беспокоит, – констатировал Райбики.

– Она выросла рядом с обинянами, они были ей и няньками, и защитниками, – объяснила Джейн. – Она чувствует себя с ними совершенно непринужденно.

– И вас это тоже не беспокоит, – добавил Райбики.

– Они присматривают за Зои и обеспечивают ее безопасность, – продолжал я. – Они кое в чем помогают нам. К тому же их присутствие здесь – это одно из условий соглашения между Союзом колоний и обинянами. Необходимость общаться с ними – совсем не такая высокая цена за возможность иметь их в союзниках.

– Что верно, то верно, – кивнул Райбики и поднялся. – Знаете что, майор. У меня есть к вам предложение. – И добавил, поклонившись Джейн: – Вернее, к вам обоим.

– И что же это за предложение? – спросил я.

Райбики дернул головой в сторону дома, куда только что удалились Хикори и Дикори.

– Если вы не возражаете, я предпочел бы говорить об этом там, где эта парочка не сможет нас услышать. У вас есть какое-нибудь местечко, где мы могли бы поболтать без лишних ушей и глаз?

Я искоса взглянул на Джейн. Она ответила чуть заметной улыбкой.

– Я знаю такое место, – сказала она.

– Что, мы будем торчать здесь? – недоверчиво спросил генерал Райбики, когда я остановился посреди поля.

– Вам требовалось место для конфиденциального разговора? Теперь вас отделяют от ближайших ушей, хоть человеческих, хоть обинянских, по меньшей мере пять акров посевов. Милости прошу: секретность в колониальном стиле.

– И что же это за посевы? – осведомился Райбики, рассматривая сорванный молодой стебель.

– Сорго, – коротко ответила Джейн.

Она стояла рядом со мной. Варвар сидел у ее ног и скреб за ухом задней лапой.

– Название, кажется, знакомое, – протянул Райбики, – но вряд ли мне когда-то приходилось видеть эту травку.

– Здесь это главная посевная культура, – пояснил я. – Она дает большие урожаи, потому что хорошо переносит жару и засуху, а летом в наших краях бывает жарковато. Местные жители пекут из этой муки особый хлеб – бхакри – и готовят множество разных разностей.

– Бхакри... – повторил Райбики и махнул рукой в сторону деревни: – Судя по всему, здесь живут главным образом выходцы из Индии.

– Есть, но немного, – ответил я. – Большинство родились уже здесь. Этой деревне – той, что перед нами, – шестьдесят лет. Активная колонизация Гекльберри продолжается сейчас на континенте Клеменса. Его открыли для освоения как раз в то время, когда мы прибыли сюда.

– Значит, напряженности из-за Субконтинентальной войны здесь нет, – задумчиво произнес Райбики. – Между вами, американцами, и индийским большинством.

– До этого здесь не доходит. Иммигранты всюду примерно одинаковы. Прежде всего они воспринимают себя как гекльберрцев и лишь потом – как индусов. Уже для следующего поколения земные национальные различия не будут иметь ровно никакого значения. К тому же Джейн по большому счету вовсе не американка. Если мы чем-то и выделяемся, то лишь тем, что были солдатами. Первое время на нас смотрели с любопытством, но теперь мы просто Джон и Джейн с придорожной фермы.

Райбики снова обвел поле рассеянным взглядом.

– Меня поражает, что вы вообще взялись за фермерство, – сказал он. – Ведь у вас обоих есть настоящая работа.

– Фермерство – это самая настоящая работа, – возразила Джейн. – Ею занимаются большинство наших соседей. И для нас она тоже очень полезна: ведь если мы не будем знать, чем они живут, то не поймем, чем можем быть им полезны.

– Я вовсе не хотел вас обидеть, – поспешно добавил Райбики.

– И не обидели, – ответил я, вновь вступая в беседу, и указал на поле: – У нас здесь около сорока акров. Это совсем немного, даже слишком мало, чтобы нанести какой-нибудь ущерб финансовым интересам других фермеров, но вполне достаточно, чтобы понять, что радости и беды Нового Гоа – это также и наши радости и беды. Мы и сами прилагаем много сил, чтобы стать полноценными новоанцами и гекльберрцами.

Генерал Райбики кивнул и снова покрутил перед глазами стебелек сорго. Зоя описала его совершенно верно: молодой красавец с зеленой кожей. Я-то знал, что молодым он выглядел лишь благодаря искусственному телу, которое предоставили ему ССК. Пока он находится в этом теле, выглядит на двадцать три года, хотя его реальный возраст уже перевалил за сто. Он казался моложе меня, а ведь я младше его на пятнадцать лет, если не больше. Но, покинув ряды ССК, я сдал свое, так сказать, служебное тело и получил новое, немодифицированное, но зато построенное на моей собственной ДНК. Сейчас я выглядел лет на тридцать. И меня это вполне устраивало.

В последний период моей службы в ССК Райбики был моим непосредственным начальником, но познакомился я с ним намного раньше. Это случилось в день моего самого первого боя, когда он был подполковником, а я – рядовым. Он снисходительно обратился ко мне «сынком», имея в виду мою неопытность. Мне тогда перевалило за семьдесят пять.

Это было одной из многочисленных проблем, связанных со службой в Силах самообороны колоний: все, что их биоинженеры творили с телами, вступало в острое противоречие с тем, как человек осознает свой собственный возраст. Мне сейчас за девяносто, а Джейн, которая была создана уже взрослой как солдат Специальных сил ССК, было лет шестнадцать. Если всерьез задуматься над этим, обязательно ум за разум зайдет.

– Ну что ж, пожалуй, пора вам, генерал, сообщить, зачем вы нас навестили, – заметила Джейн.

Семь лет жизни среди людей, придерживающихся традиционных обычаев, не заглушили ее воспитанной Специальными силами привычки брать быка за рога, невзирая на социальные условия.

Райбики криво усмехнулся и бросил стебелек наземь.

– Да, вижу, деваться некуда. Хорошо. После того как вы, Перри, покинули нас, меня повысили в звании и перевели на другой вид службы. Теперь я сотрудничаю с Департаментом колонизации – теми людьми, которые занимаются заселением и поддержкой новых колоний.

– Но продолжаете числиться в ССК, – уточнил я. – Зеленая кожа сразу выдает вас. Но я всегда считал, что Союз колоний не позволяет своим гражданским и военным крыльям соприкасаться между собой.

– Я координатор. Организую связь между теми и этими. Вы, наверно, можете себе представить, насколько это веселое занятие.

– Сочувствую вам, – сказал я.

– Спасибо, майор, – отозвался Райбики. С тех пор когда ко мне обращались по званию, прошло уже немало лет. – Правда, я тронут вашим отношением. Так вот, я явился сюда, потому что подумал, не сможете ли вы – вы оба – выполнить для меня кое-какую работенку.

– И что же это за «работенка»? – спросила Джейн.

Райбики в упор посмотрел на нее:

– Возглавить новую колонию.

Джейн взглянула на меня. Я сразу понял, что эта идея ее не привлекает.

– А разве не Департамент колонизации должен этим заниматься? – спросил я. – Ведь там, насколько я понимаю, должно быть полным-полно народу, специально подготовленного для руководства колониями.

– Но не этой. Эта колония – необычная.

– Чем же? – осведомилась Джейн.

– Союз колоний занимается колонистами с Земли. Но за последние несколько лет ряд колоний – высокоразвитых колоний, таких как Феникс, Элизиум и Хоккайдо, – вынудили СК позволить их жителям начать самим создавать новые колонии. Их обитатели уже не раз пытались устраивать «дикие» колонии, но вы же знаете, чем заканчивались эти попытки.

Я кивнул. Независимые колонии – их обычно называли «дикими» – устраивались незаконно и полностью на страх и риск их обитателей. СК по большей части закрывал глаза на существование «дикарей», оправдываясь тем, что «дикие» колонисты в подавляющем большинстве представляют собой всякий шумный сброд, которому лучше позволить отправиться куда угодно, нежели удерживать их дома, где от них одни неприятности. Но «дикие» колонии действительно вели абсолютно самостоятельное существование и не могли надеяться на помощь ССК (разве что только среди колонистов окажется кто-то из любимых родственников какого-нибудь по-настоящему высокопоставленного чиновника). Статистику существования «диких» колоний можно было назвать в лучшем случае удручающей. Большинство из них не протягивало и шести месяцев. С ними быстро и эффективно расправлялись другие расы, занимающиеся колонизацией планет. Вселенная, в которой мы обитаем, не прощает ошибок, в частности самонадеянности.

Райбики заметил, что я понял его, и продолжил:

– СК предпочел бы и впредь предоставлять такие колонии их собственной участи, но вопрос из практического успел перерасти в крупную политическую проблему, и СК больше не может просто отмахиваться от этого дела. И потому ДК предложил нам открыть одну планету для колонистов второго поколения. Думаю, вы можете представить себе, что из этого вышло.

– Колонии вцепились друг другу в глотки за право послать своих людей на освоение планеты, – предположил я.

– Дайте парню сигару за сообразительность! – воскликнул Райбики. – Тогда ДК попытался изобразить из себя Соломона и объявил, что каждый из претендентов имеет право предложить для первой волны колонизации определенное число людей. И в результате мы получили ядро будущей колонии – около двух с половиной тысяч человек, по двести пятьдесят от десяти разных колоний. Но у нас нет единого руководителя. Все колонии отказались брать на себя ответственность за чужаков.

– Но ведь крупных колоний не десятков, а куда больше, – заметил я. – Можно было бы поставить начальником кого-нибудь оттуда.

– Рассуждая теоретически – да. Однако в действительности все другие колонии сочли себя грубо оскорбленными тем, что в списке первоколонистов не оказалось их представителей. Мы пообещали, что если с этой колонией все выйдет хорошо, то мы начнем широко открывать другие миры. Но пока творится полнейший сумбур, и никто не намерен первым сделать следующий шаг.

– Какой же идиот выдумал этот план? – напрямик спросила Джейн.

– Так уж получилось, что этим идиотом был я, – ответил Райбики.

– Ну вы и молодец! – язвительно бросила Джейн.

Я не смог удержаться от мысли, насколько удачно, что она больше не офицер и не обязана соблюдать субординацию.

– Спасибо, констебль Саган, – сухо вато произнес генерал Райбики, – я не обижаюсь на искренние мнения, даже и не слишком лестные для меня. Действительно, у этого плана оказались кое-какие неожиданные для меня недостатки. Но именно из-за них я и явился сюда.

– Главный недостаток вашего нового плана – если не считать того, что ни Джейн, ни я не имеем ни малейшего представления о том, как руководить первопоселением колонистов, – то, что теперь мы сами стали колонистами. Мы живем здесь уже семь лет.

– Но вы же сказали: вы бывшие солдаты. А бывшие солдаты – это совсем особое племя. Вы – уроженцы вовсе не Гекльберри. Вы родом с Земли, она – бывший солдат Специальных сил, а это значит, что она родом ниоткуда. Только не сочтите за оскорбление, – добавил Райбики, повернувшись к Джейн.

– Но ведь, как ни посмотри, никто из нас не имеет опыта управления первоколонией, – возразил я. – Когда я еще был зеленым, как и вы, меня во время достопамятного пропагандистского турне занесло в первоколонию на планете Ортон. Ее жители работали без остановки. Нельзя же бросать неподготовленных людей в такую кашу.

– Что-что, а подготовка у вас есть. Вы оба были офицерами. Боже мой, Перри, вы же были майором! Вы участвовали в боевых действиях, командуя полком в три тысячи человек. Это больше, чем первопоселение колонистов.

– Колония – не армейский полк, – возразил я.

– Ну конечно нет, – согласился Райбики. – Но и для того, и для другого требуются одни и те же навыки. Тем более что вы оба чуть ли не с первого дня после отставки работаете в администрации колонии. Вы контролируете исполнение законов и хорошо знаете, как функционирует правительство колонии, что оно должно делать, а чего не должно. Ваша жена – местный констебль и обеспечивает поддержание порядка. На двоих вы обладаете едва ли не всеми необходимыми навыками. И не думайте, майор, что ваши имена я выбрал случайно, что я бросал жребий и вытащил из шляпы бумажку с вашими фамилиями. Я выбрал вас именно по этим причинам. Вы уже сейчас процентов на восемьдесят пять готовы к этой работе, а остальным пятнадцати мы вас научим по дороге на Роанок². Так мы решили назвать колонию.

– У нас здесь сложившаяся жизнь, – вмешалась Джейн. – У нас есть работа, есть обязанности и помимо всего прочего еще и дочь, у которой тоже есть своя собственная жизнь. А вы походя требуете, чтобы мы все бросили и кинулись разбираться в ваших мелких политических дразгах.

– Ладно, в таком случае прошу прощения за неофициальную форму обращения, – сказал Райбики. – При обычных обстоятельствах вы узнали бы все, что я вам сейчас рассказываю, из документа, доставленного дипломатическим курьером Союза колоний, да еще вдобавок он приволок бы толстенную кипу пояснительных бумаг. Но так уж случилось, что я оказался на Гекльберри по совсем другим делам, вот и решил, что постараюсь убить двух зайцев одним выстрелом. Если честно – я совершенно не рассчитывал, что мне придется излагать вам свою идею посреди поля, засеянного... сорго, да?

– Да ничего, – великодушно кивнула Джейн.

– И что касается мелких политических дразг – тут вы не правы, – продолжал Райбики. – Сложился полномасштабный политический кризис, который грозит перерасти в крупный. И дело здесь не только в том, быть или не быть еще одной человеческой колонии. На каждой

² Роанок – один из старейших городов США (штат Виргиния), стоящий на одноименной реке.

из планет правительства и пресса представили будущее событие как крупнейший акт колонизации с тех пор, как люди впервые покинули Землю. Это не так. Дело вовсе не в масштабах. В средствах массовой информации вся история превратилась в грандиозный цирк, для политиков сделалась нескончаемой головной болью, а ДК заставило уйти в глухую оборону. Эта колония, еще не начав существовать, уходит из-под нашего влияния, потому что у слишком многих в ней имеются свои интересы. Мы должны вернуть себе главную роль.

– Ну вот вы сами и сказали, что все это дело – одна политика, – сказал я.

– Нет, – возразил Райбики. – Вы меня неправильно поняли. ДК должен вернуть себе руководство процессом вовсе не потому, что это было бы, по нашему мнению, удачным политическим ходом. Это необходимо сделать, поскольку речь идет о человеческой колонии. Жить или погибнуть колонии – вернее будет сказать: жить или погибнуть людям – определяется в конечном счете тем, насколько хорошо мы их сначала готовим, а потом защищаем. Главная задача ДК – дать поселенцам наилучшую подготовку еще до того, как они возьмутся за освоение нового мира. ССК должны обеспечивать их безопасность, пока они не утвердятся на планете. Если хоть одно из условий этого уравнения окажется нарушенным – колония обречена.

В данный момент то условие, которое должен обеспечить Департамент, не выполняется – мы не обеспечили руководство, а остальные участники прилагают все силы, чтобы не позволить кому-то другому заполнить образовавшуюся пустоту. Мы пытаемся найти выход из положения, но безрезультатно. А время уходит. Так или иначе, Роанок будет заселен. Суть вопроса: сумеем мы организовать это как следует или нет. Если не сумеем – если Роанок погибнет, – расплачиваться придется чертовски дорого. Так что будет лучше, если мы все сделаем как надо.

– И все же если это настолько больной политический вопрос, то я тем более не вижу, каким образом наше участие в вашей затее поможет исправить положение, – не отступал я. – Разве можно гарантировать, что от нашего участия будет толк?

– Я ведь уже сказал, что ваши имена всплыли вовсе не случайно, – повторил Райбики. – В департаменте мы ведем учет потенциальных кандидатов, пригодных для работы у нас или в ССК. Мы решили, что если оба наших ведомства сойдутся на одной кандидатуре, то мы сможем убедить и правительство колонии принять ее. Вы были в нашем списке.

– Интересно, в какой его части? – осведомилась Джейн.

– Примерно в середине, – честно признался Райбики. – Сожалею. Прочие кандидаты отпали по тем или иным причинам.

– В любом случае просто попасть в этот список уже высокая честь, – сказал я.

Райбики усмехнулся:

– Вы же знаете, Перри, что мне никогда не нравился ваш сарказм. И я отлично понимаю, что за один раз обрушил на вас слишком много проблем. Я не ожидаю от вас немедленного ответа. Вся документация у меня здесь. – Он прикоснулся к виску, давая понять, что хранит информацию в МозгоДруге. – И, если у вас есть ЭЗК, я могу переслать ее вам, чтобы вы ознакомились с нею на досуге. Правда, досуга у вас не больше стандартной недели.

Электронные записные книжки у нас, конечно же, были. И у меня, и у Джейн – ведь мы оба были представителями власти.

– Вы хотите, чтобы мы бросили все то, что имеем здесь? – снова спросила Джейн.

– Да, – кивнул Райбики, – хочу. И еще я взываю к вашему чувству долга, поскольку знаю, что у вас оно есть. Союзу колоний остро необходимы умные, сильные и опытные люди, способные помочь нам наладить жизнь этой колонии. Вы двое отвечаете всем требованиям. А то, за что я прошу вас взяться, намного важнее, нежели то, чем вы занимаетесь здесь. Ваши обязанности здесь без особого труда сможет выполнять любой другой человек. Вы уедете, а кто-то приедет и займет ваши места. Возможно, они будут работать не так хорошо, как вы, но со своими обязанностями худо-бедно справятся. А то, что я прошу вас сделать для этой колонии, вряд ли будет под силу кому-нибудь еще.

– Вы сказали, что мы были в середине вашего списка, – заметил я.

– Этот список был очень коротким. И после ваших фамилий идет глубокий провал.

Райбики повернулся к Джейн:

– Послушайте, Саган, я хорошо понимаю, что требую от вас очень непростого решения. И потому предложу вам своеобразную сделку. Ведь мы учреждаем первоколонию. Это означает, что колонисты первой волны будут два-три года готовить на планете условия для прибытия следующего, более массового потока. После высадки второй волны положение, вероятно, упрочится вполне достаточно для того, чтобы вы, и Перри, и ваша дочь могли вернуться сюда. ДК может позаботиться о том, чтобы ваш дом и ваши должности дождались вас. Черт возьми, мы даже можем прислать кого-нибудь ухаживать за вашими посевами.

– Генерал, мне не требуется ничье покровительство, – отрезала Джейн.

– Я и не собирался предлагать вам покровительство. И предложение мое, Саган, совершенно искреннее. Та жизнь, которую вы вели здесь, будет ждать вас. Вы не утратите ничего из того, что стало вам дорого. Но мне вы оба нужны немедленно! ДК не останется в долгу. Вы получите эту жизнь обратно. И поможете колонии Роанок выжить. Подумайте об этом. Только не тяните с решением.

Проснувшись ночью, я не нашел Джейн подле себя. Она стояла на дорожке перед домом и смотрела на звезды.

– Если будешь так стоять на дороге в темноте, кто-нибудь подкрадется и стукнет тебя по голове, – сказал я, подойдя сзади, и положил руки ей на плечи.

Джейн накрыла мою левую руку ладонью.

– Нет тут никого, кто мог бы стукнуть. Тут и среди дня такое вряд ли может случиться. Посмотри туда. – Она подняла правую руку к небу и начала указывать созвездия. – Смотри: Журавль, Лотос, Жемчужина.

– Я плохо ориентируюсь в созвездиях Гекльберри, – сознался я. – До сих пор ищу те, которые знаю с детства. Смотрю в небо, а какая-то самая старая моя часть все равно рассчитывает увидеть Большую Медведицу или Орион.

– До того как мы приехали сюда, я никогда не смотрела на звезды. В смысле – я видела их, но они ничего для меня не значили. Звезды и звезды. Ничего больше. А после того как мы поселились здесь, я много времени потратила на изучение созвездий.

– Я помню.

Я действительно помнил то время. Викрам Банерджи – астроном по своей земной специальности – был частым гостем у нас в первые годы нашей жизни в Новом Гоа и объяснял Джейн звездные узоры в небе. Он позволил себе умереть лишь после того, как она выучила все созвездия Гекльберри.

– Я долго не умела их различать, – сказала Джейн.

– Созвездия?

Джейн кивнула.

– Викрам показывал их мне, а я видела лишь искрящуюся массу, – задумчиво сказала она. – Он водил пальцем по карте, и я вроде бы понимала, как они объединяются в различные узоры, а потом смотрела в небо и опять видела только... только россыпь звезд. Так повторялось раз за разом. А потом, однажды вечером, я, помнится, шла домой с работы, подняла голову и сказала себе: вот Журавль. И увидела его. Увидела созвездие Журавля. Начала различать другие созвездия. Тогда-то я и поняла, что это место стало моим домом. Поняла, что я прилетела, чтобы остаться здесь. Что это моя планета.

Я позволил рукам соскользнуть ниже и обхватил Джейн за талию.

– Но это место – не твой дом, да? – спросила Джейн.

– Мой дом там, где ты, – ответил я.

– Но ты же понимаешь, что я имею в виду.

– Я хорошо тебя понимаю, – подтвердил я. – Джейн, мне здесь нравится. Мне нравятся эти люди. Мне нравится наша жизнь.

– Но... – подхватила Джейн.

Я пожал плечами.

Джейн почувствовала мое движение.

– Именно так я и думала, – сказала она.

– Я вовсе не чувствую себя несчастным, – отозвался я.

– А я и не говорила, что ты несчастен. Я знаю, что рядом со мной или Зои ты не станешь рассуждать, счастлив ты или нет. Если бы не приперся генерал Райбики, ты, думаю, даже и не подумал бы, что созрел для того, чтобы двигаться дальше.

Я кивнул и поцеловал ее в затылок. Она была совершенно права.

– Я говорила об этом с Зои, – продолжала Джейн.

– И что же она думает на этот счет?

– Она похожа на тебя. Ей здесь нравится, но это не ее дом. Ей понравилась мысль о том, чтобы отправиться в колонию, которую придется создавать на пустом месте.

– Это в ее духе – ее переполняет тяга к приключениям.

– Возможно, – кивнула Джейн. – Здесь приключений маловато. И это одна из причин, по которым мне здесь так хорошо.

– Странно слышать такое от солдата Специальных сил, – признался я.

– Я говорю это как раз потому, что была в Специальных силах. У меня за спиной девять лет непрерывных приключений. Меня создали специально для той жизни, и, если бы не ты и Зои, я и погибла бы в одном из приключений, так и не узнав ничего иного. Люди определенно переоценивают удовольствия, которые несут с собой приключения.

– Но ты все равно думаешь о новых приключениях.

– Потому что о них думаешь ты.

– Мы же еще ничего не решили, – сказал я. – Мы можем наотрез отказаться. Наш дом – здесь.

– Мой дом там, где будешь ты, – повторила Джейн мои слова. – Это моя родина. Хотя не исключено, что родиной может стать и что-то другое. Пока что я успела узнать и полюбить только это место. Возможно, я просто боюсь расставаться с ним.

– Не думаю, что ты так уж сильно боишься.

– Я боюсь не того, что ты. Ты просто не замечаешь этого, потому что тебе порой не хватает наблюдательности.

– Спасибо тебе.

Мы стояли обнявшись посреди узкой дороги.

– Мы всегда сможем вернуться, – сказала Джейн, нарушив долгое молчание.

– Да, – кивнул я. – Если ты захочешь.

– Посмотрим, – ответила Джейн.

Она обернулась, поцеловала меня в щеку, осторожно высвободилась из объятий и медленно пошла по дороге. Я направился к дому.

– Побудь со мной, – попросила Джейн.

– Конечно. Прости. Я решил, что ты хочешь побыть одна.

– Нет. Давай немного погуляем. Я покажу тебе мои созвездия. Для этого у нас хватит времени.

2

«Джуниперо Серра» выполнил скачок, и внезапно за «окном» – большим экраном обзорной палубы огромного корабля – возник сине-зеленый мир. С мест, где расположилась пара сотен приглашенных гостей, репортеров и чиновников из Департамента колонизации, послышались восхищенные охи и ахи, как будто вся эта братия никогда прежде не видела планету из пространства.

– Леди и джентльмены, – произнесла Карин Белл, министр колонизации, – представляю вам Роанок, новый колониальный мир.

Присутствующие разразились рукоплесканиями, которые, впрочем, быстро затихли, сменившись негромким гулом множества голосов репортеров, поспешно бормотавших свои комментарии в микрофоны. При этом большинство не обратило никакого внимания на появление неподалеку «Блумингтона» и «Фэрбенкса», двух крейсеров ССК, которые без излишней навязчивости сопровождали толпу политиков и журналистов, совершавших вояж среди звезд. Их присутствие еще сильнее укрепило меня в мысли, что обстановка на Роаноке и вокруг него отнюдь не настолько спокойная, как хотел бы показать Союз колоний. Не хватало еще, чтобы рейдер какой-нибудь враждебной расы превратил и министра колонизации, и ее свиту, и приглашенных важных гостей в новый метеоритный поток.

Я указал Джейн на крейсера одним коротким взглядом, она посмотрела туда и ответила незаметным для всех остальных кивком. При этом ни она, ни я не издали ни звука. Мы всерьез надеялись, что нам удастся уклоняться от общения с журналистами на всем протяжении перелета. Мы уже знали из личного опыта, что оба не слишком годимся в звезды средств массовой информации.

– Позвольте мне дать вам небольшую справку о том, что представляет собой Роанок, – продолжала Белл. – Диаметр Роанока по экватору чуть менее тринадцати тысяч километров, то есть он больше, чем Земля или Феникс, но несколько меньше, чем Чжунго, которая, следовательно, сохраняет за собой звание крупнейшей из планет, освоенных Союзом колоний.

На эти слова несколько репортеров с Чжунго откликнулись робкими аплодисментами, которые, впрочем, тут же заглушил общий смех.

– Благодаря размеру и геологической структуре сила тяготения здесь на десять процентов больше, чем на Фениксе, следовательно, большинство из вас на поверхности планеты будут чувствовать себя так, будто вам в карманы положили по килограммовому грузу. Атмосфера – обычная смесь кислорода с азотом, но здесь непривычно велика доля кислорода – почти тридцать процентов. Эту особенность вы тоже почувствуете.

– У кого мы отобрали планету? – спросил один из репортеров.

– Я еще дойду до этого, – ответила Белл, и в зале раздался негромкий ропот.

Министр Белл славилась умением проводить чрезвычайно сдержанные пресс-конференции даже без всякой подготовки и сейчас была полностью в своей тарелке.

Изображение глобуса Роанока на экране сменилось фрагментом карты, на котором небольшая река впадала в другую, поистине огромную.

– Здесь будет находиться колония, – продолжала свою лекцию Белл. – Меньшей из рек мы дали название Аблемар, большей – Роли. Роли собирает воду со всего континента, как Амазонка на Земле или Анасази на Фениксе. Еще пара сотен километров на запад, – изображение на экране опять сменилось, – и мы окажемся на побережье Виргинского океана. Практически неограниченное пространство для роста.

– А почему колонию устраивают не на побережье? – спросил кто-то.

– Потому что там ей не место, – отрезала Белл. – Сейчас не шестнадцатый век. Наши суда пересекают межзвездные просторы, не океаны. Мы в состоянии выбрать для колонии наилуч-

шее место. Это место – на экран вернулся первоначальный участок карты – находится достаточно далеко от океана, чтобы не подвергаться циклонам, которые частенько свирепствуют в устье Роли, а также характеризуется и другими благоприятными геологическими и метеорологическими факторами. Помимо всего прочего химизм жизни на этой планете несовместим с нашим. Колонисты не могут есть ничего местного. Следовательно, рыболовство сразу отпадает. Тем разумнее поместить колонию на аллювиальной равнине, где куда больше возможностей для выращивания продовольственных культур, чем на побережье.

– Не могли бы вы все же сказать нам, у кого мы отняли эту планету? – снова встрял первый репортер.

– Я буду говорить об этом позже, – снова одернула его Белл.

– Но мы ведь уже знаем все, что вы рассказываете, – поддержал первого кто-то еще. – Весь этот материал есть в пресс-релизах, которые вы нам раздали. А нашим зрителям интересно узнать, кто владел этой планетой раньше и у кого мы ее отобрали.

– Мы ни у кого не отбирали эту планету, – заявила Белл, явно раздраженная тем, что ее план оказался под угрозой. – Нам ее передали.

– И кто же?

– Обиняне.

В зале сразу зашушукались.

– И я с удовольствием расскажу об этом более подробно, только позже. Но сначала...

Карта слияния рек исчезла, и вместо нее на экране возникло несколько пушистых древовидных предметов: полурастения-полуживотные являлись доминирующей формой жизни на Роаноке. Большинство репортеров проигнорировали новую иллюстрацию к лекции; они поспешно шептали в свои диктофоны сенсационную информацию о связи этой планеты с расой обинян.

– Обиняне называли ее Гарсинхиром, – сообщил мне и Джейн генерал Райбики несколькими днями ранее, когда нас на его личном шаттле доставили на станцию «Феникс» для формального введения в должность и представления нескольким колонистам, которые должны были стать нашими заместителями. – Это переводится попросту как «семнадцатая планета». Потому что оказалась семнадцатым по счету колонизированным ими миром. Они не отличаются очень богатым воображением.

– Взять и бросить планету... Это совсем не похоже на обинян, – заметила Джейн.

– Так они ее и не бросали, – ответил Райбики. – Мы поменялись. Мы отдали им маленькую планетку, которую отобрали у джелтов примерно год назад. Все равно Гарсинхир не слишком годилась для них. Планета шестого класса. Химизм жизни там настолько близок к химизму обинян, что местные вирусы для них безусловно смертельны. У нас, людей, напротив, химизм с местной жизнью несовместим. Следовательно, и местные вирусы, бактерии и прочая мелочь нам не страшны. Планета джелтов, доставшаяся обинянам, не столь хороша, но для них подходит больше. Вполне честная сделка. А теперь скажите, вам хватило времени, чтобы посмотреть личные дела колонистов?

– Хватило, – ответил я.

– И что вы можете сказать?

– Что отбор был совершенно дурацким, – ответила Джейн.

Райбики улыбнулся:

– Если вы когда-нибудь научитесь дипломатии, я... я просто не могу себе представить, что тогда случится.

Джейн наклонилась к своей ЭЗК и отыскала файл с информацией о процессе отбора.

– Колонисты с Элизиума отбирались при помощи лотереи, – объявила она.

– К которой допустили лишь тех, кто смог доказать, что физически способен перенести суровые условия колонизации, – добавил Райбики.

– Все колонисты с Киото принадлежат к религиозной секте, выступающей против развития технологии, – продолжала Джейн. – По идее, они должны отказаться даже взойти на колониистское судно.

– Они из ордена колониальных меннонитов, – пояснил Райбики. – Не экстремисты, не бунтари и не скандалисты. Они всего лишь стремятся к простоте. Иметь таких в новой колонии будет как раз полезно.

– На Умбрии колонистов отбирали на игровом шоу, – невозмутимо продолжала Джейн.

– Все проигравшие получили игру на дом, в вечное пользование, – ввернул я.

Райбики сделал вид, что не услышал мою остроту.

– Да, – сказал он, обращаясь к Джейн, – была устроена открытая публичная игра, в которой претенденты должны были пройти несколько испытаний на сообразительность и выносливость. И то, и другое качество должны вам пригодиться на Роаноке. Саган, каждой колонии был предоставлен список физических и умственных критериев, которым должен соответствовать потенциальный колонист Роанока. Ну а сам процесс отбора мы предоставили на усмотрение колониям. Часть из них, как, например, Эри и Чжунго, организовали все достаточно стандартно. Некоторые поступили по-другому.

– И это вас несколько не волнует? – осведомилась Джейн.

– Нет. И с какой бы стати, раз колонисты соответствуют тем требованиям, которые мы выработали сами, – ответил Райбики. – Они представили своих кандидатов в колонисты, мы подвергли их дополнительной проверке по собственным стандартам.

– И они все ее прошли? – спросил я.

Райбики фыркнул:

– Ну, я бы так не сказал. Правительница Альбиона подбирала колонистов из числа своих личных врагов; Русь устроила нечто вроде аукциона, и в список попали те, кто мог больше заплатить. Кончилось тем, что в обеих этих колониях мы взяли процесс отбора в свои руки. Но конечный результат – я думаю, что вас интересует именно это, не так ли? – превосходный средний уровень колонистов.

Он взглянул на Джейн:

– Они несравнимо лучше, чем те колонисты, которых вы могли бы получить с Земли, вот что я вам скажу. К тем мы подходим с многократно меньшей строгостью. Там философия совсем иная – если ты способен взойти на колониальный корабль, считай себя колонистом. А для этой колонии мы исходили из куда более высоких стандартов. Так что можете немного расслабиться. Мы подобрали для вас хороших колонистов.

Джейн откинулась на спинку кресла; было видно, что она далеко не убеждена. Я не винил ее: генерал и меня тоже убедил отнюдь не полностью. Пока шаттл висел возле ворот и его пилоты переговаривались с диспетчерами насчет постановки в док, мы, все трое, хранили молчание.

– Где ваша дочь? – спросил Райбики, когда шаттл замер у причала.

– Осталась в Новом Гоа, – сказала Джейн. – Чтобы проследить за упаковкой вещей.

– И устроить прощальную вечеринку с друзьями, но об этом мы предпочитаем не слишком задумываться, – добавил я.

– Молодежь, – вздохнул Райбики и поднялся. – Ну а теперь... Перри, Саган, помните, что я вам говорил насчет цирка для средств массовой информации?

– Да, – кивнул я.

– Вот и прекрасно. В таком случае приготовьтесь выйти на арену. Все клоуны будут в пубlike.

С этими словами он повел нас от шаттла к воротам, за которыми, судя по всему, со вчерашнего вечера дежурили в полном составе журналисты Союза колоний, чтобы застать нас врасплох.

– Помилуй бог, – сказал я, останавливаясь в туннеле.

– Поздно паниковать, Перри, – веско произнес Райбики и, приостановившись, взял меня под руку. – Им уже все о вас известно. Пора набраться мужества и покончить с этим.

– Ну что, – осведомился Джанн Кранджич, подкатившись ко мне самое большее через пять минут после того, как мы приземлились на Роаноке. – Какое ощущение испытывает человек, первым поставивший ногу на землю нового мира?

– Мне уже не раз приходилось это делать, – ответил я, пробуя подошвой почву.

На него я не смотрел. За несколько минувших дней я успел возненавидеть его хорошо поставленный приторный голос и телегеничную внешность красавчика.

– Да, конечно! – ни на секунду не задумавшись, воскликнул Джанн. – Но ведь на сей раз поблизости нет никого, кто стремился бы отрубить эту ногу напрочь.

После этих слов я все же взглянул на него и увидел обычную раздражающую ухмылочку, которую обитатели Умбрии – его родной планеты – почему-то считали победоносной улыбкой. Краешком глаза я заметил также, что Беата Новик медленно обходит нас по кругу. Она предоставляла своей камере, закрепленной на голове, снимать все, что попадало в поле зрения, чтобы потом выбрать лучшее для зрителей.

– Ничего, Джанн, день только начинается. Вполне хватит времени для того, чтобы обнаружиться желающие и рубить, и стрелять, – сказал я.

Его улыбка сделалась немного натянутой.

– А теперь почему бы вам с Беатой не приставать для разнообразия к кому-нибудь еще.

Кранджич вздохнул и решил изменить тактику.

– Послушайте, Перри, – доверительным тоном обратился он ко мне. – Вы же не можете не понимать, что, когда я начну собирать сюжет из тех реплик, которыми вы меня удостоили, выйдет страшно неприятный напыщенный тип. Попробуйте вести себя хоть немного приветливее. Что вам стоит, а? Дайте мне хоть что-нибудь, с чем я смогу работать. Мы искренне хотим представить вас как героя войны, выступающего на новом поприще, но вы не даете нам никакой точки опоры. Видит бог, вы отлично понимаете, как делаются такие дела. Вы ведь сами на Земле занимались рекламным бизнесом.

Я отмахнулся от него, даже не стараясь скрыть раздражения. Кранджич взглянул на стоявшую по правую руку от меня Джейн, но не рискнул обратиться к ней. В полете он улучил момент, когда меня не было рядом, и попытался пристать к ней с вопросами. Подозреваю, что к концу непродолжительного разговора она перепугала его до полусмерти. Я тогда не смог не задать себе праздный вопрос: сохранила ли его оператор запись этого неудавшегося интервью?

– Пойдем, Беата, – сказал он. – Все равно нам нужно сделать сюжет о Трухильо.

Они побрели прочь к судну, рассчитывая, что кто-нибудь из руководителей будущей колонии окажется более сговорчивым или более тщеславным.

Кранджич ужасно бесил меня. Вообще-то меня бесила вся эта поездка. Она была устроена якобы для того, чтобы мы с Джейн и избранная группа поселенцев осмотрели место, где будет находиться колония, и побольше узнали о планете. Получился же великосветский вояж с колонистами в качестве звезд сезона. Высадка всей компании сюда для того, чтобы журналисты могли сделать вожаемые снимки, и доставка обратно были не чем иным, как пустой тратой времени. И Кранджич был всего лишь ярким примером носителя того образа мыслей, который был присущ всей толпе паразитов от информации.

– Могу сразу сказать, что, когда мы займемся колонией, я совсем не буду скучать без него, – сказал я, повернувшись к Джейн.

– Ты плохо изучил документы, – ответила Джейн. – И он, и Беата входят в умбрийскую группу колонистов. Так что он поедет с нами. Они с Беатой поженились специально ради этого, потому что умбрийцы не допустили к играм одиночек.

– Они решили, что супружеские пары лучше годятся для жизни в колонии? – предположил я.

– Вероятнее, соревнование пар сделало их игры более зрелищными, – отозвалась Джейн.

– Он участвовал в шоу?

– Он был его ведущим. Но правила есть правила. Этот брак целиком и полностью фиктивен. Кранджич был женат уже несколько раз, но никогда его супружество не длилось больше года, а Беата вообще лесбиянка.

– Ты меня ужасаешь, – сказал я. – Откуда тебе все это известно?

– Не забывай, что я была офицером разведки. Выяснить такие вещи для меня – раз плюнуть.

– Что еще, по твоему мнению, мне следует о нем знать?

– Он намерен задокументировать первый год жизни колонии Роанок. И уже заключил контракт на еженедельные передачи. И еще у него есть заказ на книгу.

– Замечательно, – подытожил я. – Ну что ж, теперь мне, по крайней мере, ясно, каким образом он пробрался на шаттл.

С первым кораблем на поверхность Роанока должны были высадиться десяток представителей колонистов и несколько сотрудников Департамента колонизации; на «Сене» чуть не случился бунт, когда репортеры выяснили, что на шаттле с колонистами не будет никого из них. Именно Кранджич спас положение, пообещав предоставить для общего пользования все, что снимет Беата. Остальные репортеры должны были высадиться позднее на других кораблях, снять свои запланированные сюжеты и смонтировать их с материалом Кранджича. Для него эта жертва не стоила ровным счетом ничего – ведь он все равно станет колонистом Роанока. Узнай о его хитрости кто-нибудь из коллег, вполне возможно, он всерьез задумается о том, чтобы выбросить его через гермошлюз в безвоздушное пространство.

– Не стоит волноваться на этот счет, – сказала Джейн. – И кроме всего прочего, он ведь прав. Ты действительно впервые в жизни попал на новую планету, где никто не стремится тебя убить. Вот и радуйся этому. Пошли.

Она зашагала по обширному лугу, заросшему местной травой, посреди которого мы совершили посадку, к обрамлявшей его стене из чего-то, весьма похожего на деревья. Кстати, местную траву тоже нельзя было с полным правом назвать травой.

Но чем бы они на самом деле ни являлись – эти нетравы и недеревья, – они были пышными и почти невероятно зелеными. До чрезвычайности насыщенная кислородом атмосфера казалась влажной и почти ощутимо давила на плечи. В этом полушарии шел конец зимы, но благодаря географическому положению и местной розе ветров здесь было тепло. Я не на шутку тревожился по поводу того, каким окажется разгар лета: похоже, что тогда мне придется изрядно попотеть.

Я нагнал Джейн, когда она остановилась, чтобы рассмотреть «дерево». Вместо листьев на нем рос мех, который, казалось, шевелился. Наклонившись поближе, я увидел в мехе множество крошечных суетливых существ.

– Древесные блохи, – сказал я. – Милашки.

Джейн улыбнулась – такое случалось редко, и каждая улыбка заслуживала внимания.

– По-моему, это интересно.

Она поглаживала ветку «дерева». Одна из блох перепрыгнула с меха ей на руку; Джейн с любопытством посмотрела на нее, а потом осторожно сдула обратно.

– Ты думаешь, что можешь быть счастлива здесь? – спросил я.

– Я думаю, что у меня здесь будет много дел. Генерал Райбики может говорить о высоком качестве отбора колонистов для этой планеты все, что ему заблагорассудится. А я изучила личные дела каждого из них. И вовсе не уверена, что среди колонистов окажется мало таких, кто может представлять опасность для других и для самих себя.

Она кивнула в сторону шаттла.

– Возьми хотя бы Кранджича. Его совершенно не интересует колонизация. Он хочет всего лишь написать о том, как это делают другие. И самым искренним образом уверен, что, оказавшись здесь, будет преспокойно тратить время на съемку своего шоу и написание книги. Пожалуй, ему понадобится наголодаться и отощать до полусмерти, прежде чем он поймет, что это не так.

– Возможно, он один такой, – предположил я.

– Ты оптимист, – отозвалась Джейн и добавила, вновь обведя взглядом меховое «дерево» и копошившихся на нем мурашек: – Это мне очень в тебе нравится. Но не думаю, что нам стоит оценивать будущую работу с оптимистической точки зрения.

– Разумно, – кивнул я. – Но ты должна признать, что была не права насчет меннонитов.

– Пока что кажется, что я не права насчет меннонитов, – ответила Джейн, делая ударение на каждом слове, и оглянулась на меня. – Но приходится с тобой согласиться. Из них могут получиться вполне серьезные колонисты.

– Просто тебе никогда прежде не приходилось иметь дело с меннонитами.

– Прежде, до того как мы попали на Гекльберри, я вообще не была знакома с религиозными людьми. А индуизм не произвел на меня особого впечатления. Хотя Шива у них довольно внушитель.

– Что есть, то есть, – согласился я. – Хотя верования у индуистов и меннонитов малость различаются.

– Ну вот, помяни черта... – проворчала Джейн, взглянув мне через плечо.

Я повернулся и увидел подходившего к нам высокого бледного мужчину. Простая одежда и широкополая шляпа. Это был Хайрам Йодер, избранный колониальными меннонитами для участия в ознакомительной поездке.

Я улыбнулся ему. В отличие от Джейн, я неплохо знал меннонитов – в той части Огайо, где я жил, их обитало немало, наряду с амишами, моравскими братьями и представителями других направлений анабаптизма. Как и во всех человеческих сообществах, среди них попадались разные люди, но в общем они производили впечатление порядочных и честных. Если мне нужно было что-то сделать в доме, я старался найти подрядчика из меннонитов, потому что они всегда все делают с первого же раза, а если в чем-то ошибаются, то не спорят с вами, а спокойно исправляют недостатки. Такая философия заслуживает бережного отношения.

Йодер поднял руку в приветственном жесте.

– Я подумал, что стоит к вам присоединиться, – сказал он. – Смотрю, руководители колонии что-то рассматривают, вот и мне захотелось узнать, что вас заинтересовало.

– Это всего лишь дерево, – ответил я. – Или... в общем, не важно, все равно мы как-нибудь его назовем.

Йодер некоторое время разглядывал «дерево».

– По мне, дерево как дерево, – серьезно заявил он. – Только с мехом. Ну и что? Мы могли бы прямо так его и назвать: меховое дерево.

– Вы словно мысли мои читаете, – откликнулся я. – Так мы наверняка не перепутаем его ни с одним земным растением.

– Конечно, – согласился Йодер. – А то получилось бы совсем по-дурацки.

– Что вы думаете о вашем новом мире? – спросил я.

– Я думаю, что он может оказаться очень даже неплохим. Хотя многое будет зависеть от людей, которые тут будут жить.

– Согласен с вами, – кивнул я. – Но отсюда возникает вопрос, который я просто обязан задать вам. Мне доводилось общаться с меннонитами еще на Земле, в Огайо. Так вот, некоторые из них стремились уйти от людей – удалиться от мира. Я должен знать, не намерена ли ваша группа повести себя так же.

Йодер улыбнулся:

– Не беспокойтесь, мистер Перри. Меннониты бывают разные – каждая церковь исповедует веру по-своему. Мы – колониальные меннониты. Мы хотим вести простую жизнь и носить простую одежду. Мы не отказываемся от использования технологий, когда они действительно нужны, но избегаем их в тех случаях, когда без них можно обойтись. Мы хотим не укрываться от мира, а жить в нем, это так же естественно, как соль и свет. Мы надеемся стать хорошими соседями и для вас, и для других колонистов, мистер Перри.

– Очень рад это слышать. Похоже, что у нашей колонии многообещающее начало.

– Твое впечатление может еще не раз измениться, – вмешалась Джейн и снова кивнула в сторону шаттла.

В нашу сторону шли Кранджич с Беатой. Кранджич бодро шагал впереди, Беата тащилась следом. Было ясно, что беготня за колонистами в надежде вырвать у кого-нибудь два-три внятных слова вовсе не соответствует ее понятиям о приятном времяпрепровождении.

– Наконец-то я вас поймал, – обратился Кранджич к Йодеру. – Я уже узнал мнения всех остальных присутствующих колонистов... правда, кроме нее.

Он махнул рукой в сторону Джейн.

– И теперь мне не хватает лишь нескольких ваших слов, которые мы могли бы предоставить для распространения по всем планетам.

– Я ведь уже говорил вам, мистер Кранджич, что предпочел бы не фотографироваться и не давать интервью, – чрезвычайно вежливым тоном ответил Йодер.

– Это связано с вашими религиозными убеждениями, да?

– Не совсем. Я просто хотел бы, чтобы вы оставили меня в покое.

– Жители Киото будут разочарованы, если их земляк...

Кранджич запнулся на полуслове и уставился куда-то нам за спины.

– Черт бы меня побрал! Кто это?

Мы повернулись, стараясь не делать резких движений, и увидели два существа размером примерно с крупного оленя. Они безмятежно рассматривали нас из-за меховых деревьев.

– Джейн? – вопросительно произнес я.

– Понятия не имею, – негромко отозвалась Джейн. – У нас не так уж много сведений о местной фауне.

– Беата! – крикнул Кранджич. – Подойди-ка поближе, получатся клевые кадры!

– Черта лысого, – огрызнулась Беата. – Мне вовсе не хочется, чтобы меня сожрали. Так что снимай свои клевые кадры сам.

– Не бойся, подходи! – продолжал блажить Кранджич. – Если бы они хотели нас съесть, то уже давно напали бы. Смотри!

И он двинулся навстречу неведомым существам.

– Ну и как, позволим мы ему эту глупость? – спросил я Джейн.

Она пожала плечами:

– Формально колонии еще не существует.

– Ты очень кстати об этом вспомнила.

Кранджича отделяло от животных чуть более двух метров, когда одно из них решило, что с него достаточно, выразительно взревело и быстро шагнуло навстречу журналисту. Кранджич истошно завопил, молниеносно повернулся и, спотыкаясь на каждом шагу, устремился со всех ног к спасительному шаттлу.

Я повернулся к Беате:

– Признавайтесь: вы это сняли?

– Могли бы и не спрашивать. Сами знаете, что сняла, – ответила она скучным голосом.

Не в пример репортеру, неведомые существа удалялись неторопливо, решив, очевидно, что выполнили свою задачу на сегодня.

– Обалдеть! – воскликнула Савитри. – Не каждый день видишь, как главный поставщик новостей во всех колониях наложил в штаны от страха.

– И впрямь смешно, – согласился я. – Хотя, если начистоту, я уверен, что мог бы прожить долго и счастливо до самой смерти, не видя этой сцены, и считал бы, что ничего не потерял.

– В таком случае вы получили бесплатную ложечку перца к вашей долгой и счастливой жизни, – сказала Савитри.

Мы сидели в моем кабинете. На завтра мне предстояло окончательно покинуть Гекльберри. Савитри устроилась за столом в моем кресле, я притулился на одном из стульев для посетителей.

– Ну и как тебе обзор из этого кресла? – осведомился я.

– Обзор замечательный. Вот только сидеть в нем очень неудобно. Такое впечатление, что какой-то лентяй своей задницей промял и перекошил его до невозможности.

– Ты в любой момент можешь заказать новое кресло.

– О, конечно, администратор Кулкарни будет просто счастлив выложить столько денег на новую мебель для меня. Он всю жизнь считает меня главным смутьяном в селении.

– А ты и есть главный смутьян, – сказал я. – Это, между прочим, основная обязанность омбудсмена.

– Насколько мне известно, омбудсмен должен не устраивать неприятности, а улаживать их, – заметила Савитри.

– Что ж, мисс Буквоедка, пусть так и будет, – ответил я, – если уж вы решили придираться.

– Какое прекрасное имя! – Савитри принялась раскачиваться в кресле. – К тому же я всего лишь помощница смутьяна.

– Уже нет. Я рекомендовал тебя Кулкарни на должность деревенского омбудсмена, и он согласился.

Савитри перестала раскачиваться.

– Серьезно? Вы заставили его согласиться?

– Не сразу, – признался я, – но я постарался говорить убедительно. И доказал ему, что таким образом ты, по крайней мере, будешь обязана помогать людям, а не просто надоедать им.

– Рохит Кулкарни... – протянула Савитри. – Какой прекрасный человек...

– Должен признать, что у него действительно есть кое-какие недостатки, – согласился я, – но он в конце концов на самом деле согласился. Тебе стоит сказать «да», и это место твое. Вместе с креслом.

– Что-что, а это кресло мне точно не нужно, – заявила Савитри.

– Как хочешь. Но в таком случае у тебя не останется ничего на память обо мне.

– И работа эта мне тоже не нужна.

– Что?

Я не мог поверить своим ушам.

– Я сказала, что эта работа мне не нужна. Как только я узнала, что вы уезжаете отсюда, я отправилась искать новую работу. И нашла ее.

– Какую же?

– Также помощником.

– Но ты могла бы стать омбудсменом.

– Ну да, хороша вершина карьеры – омбудсмен в Новом Гоа! – воскликнула Савитри и лишь потом заметила недовольство на моем лице: как-никак, это была моя работа на протяжении многих лет. – Только не обижайтесь. Вы взяли за эту работу после того, как повидали вселенную. А я всю жизнь провела в одной-единственной деревушке. Мне тридцать лет. Пора выбираться отсюда.

– Ты нашла работу в Миссури-Сити? – предположил я.

Так называлась столица нашего района.

– Нет.

– Я уж и не знаю, что подумать, – протянул я.

– Всем известно, что это ваше обычное состояние, – заявила Савитри и поспешно продолжила, чтобы не дать мне вставить слово: – Теперь я буду работать на другой планете. В новой колонии, она называется Роанок. Вы могли где-нибудь случайно услышать о ней.

– Н-да, теперь я на самом деле ничего не понимаю.

– У той колонии вроде бы будут двое руководителей, – доверительным тоном сообщила мне Савитри. – Я попросила одну из них взять меня на работу. И она согласилась.

– Так ты – помощница Джейн?

– Вообще-то я помощница руководства колонии, – сказала Савитри. – А поскольку руководство состоит из двух человек, значит, я и ваша помощница тоже. И потому, как и прежде, не буду заваривать вам чай!

– Но ведь колонистов отбирали всего в нескольких колониях. И Гекльберри среди них не было.

– Не было, – согласилась Савитри. – Но вы, как руководители колонии, имеете право составлять свой собственный персонал из кого вам в голову взбредет. Джейн меня знает, доверяет мне и в курсе, что мы с вами хорошо работаем вместе. Так что это вполне разумно.

– Когда же она тебя зачислила в наш штат? – осведомился я.

– В тот же день, когда вы сообщили, что уезжаете. Она пришла сюда, когда вы отправились на ланч. Мы поговорили о том о сем, и она предложила мне работу.

– И никто из вас не удосужился сообщить мне об этом! – возмутился я.

– Она хотела, – созналась Савитри. – Но я попросила ее этого не делать.

– Почему же?

– Потому что если бы она вам сказала, то у нас не было бы этой замечательной, восхитительной беседы!

Савитри громко рассмеялась и несколько раз прокрутилась вместе с креслом.

– Брысь с моего места! – прикрикнул я.

Хикори и Дикори подошли ко мне, когда я, испытывая довольно ощутимую грусть, стоял в опустевшей гостиной моего дома, все имущество которого уже было упаковано и вывезено.

– Нам нужно поговорить с вами, майор Перри, – сказал Хикори.

– Да, конечно.

Я не на шутку удивился. За семь лет, которые Хикори и Дикори провели с нами, мы часто общались. Но они никогда не начинали беседу сами: всегда молча ждали, пока мы их заметим.

– Мы воспользуемся нашими имплантатами, – добавил Хикори.

– Ради бога, – кивнул я, недоумевая все сильнее.

Хикори и Дикори почти синхронными движениями ощупали воротники, обрамлявшие их длинные шеи, и нажали находившиеся справа кнопки.

Обиняне были искусственной расой. Консу, ушедшие от нас почти немыслимо далеко вперед, когда-то отыскиали предков обинян и при помощи своих фантастических технологий наделили этих ничтожных существ разумом. Обиняне превратились в высокоинтеллектуальную расу, но не обрели индивидуальности. Та часть разума, которая обеспечивает самосознание и эмоциональные переживания, у них полностью отсутствовала. Отдельно взятый обинянин не имел никакого ощущения своего «я» или индивидуальности и определял себя только как часть группы. В то же время они понимали, что лишены чего-то такого, чем обладают все прочие разумные расы. Случайно или преднамеренно консу лишили обинян индивидуального самосознания – это оставалось полностью закрытым и спорным вопросом. Я же, исходя

из опыта ряда встреч с консу, подозревал, что ими двигало в первую очередь любопытство, и обиняне явились для них всего лишь объектом очередного эксперимента.

Обиняне жаждали обрести личностное самосознание, настолько жаждали, что рискнули вступить в войну с Союзом колоний, чтобы обрести его. На войну их сподвиг Чарльз Бутэн, ученый, которому первым удалось выделить, записать и сохранить вне мозга самосознание и эмоциональную сферу человеческой личности. Специальные силы прикончили Бутэна, прежде чем он успел передать обинянам личностное сознание. Но его работа была очень близка к завершению, так что Союзу колоний удалось достичь с обинянами соглашения об окончании работ. Таким образом, эта раса внезапно превратилась из противника в друга, а Союз колоний успешно справился с работой Бутэна и изобрел имплантируемые носители эмоций, базирующиеся на используемой в ССК технологии МозгоДруга. Было создано нечто вроде вспомогательной личности для обинян.

Люди – во всяком случае те немногие, кто вообще знал об этой истории, – вполне естественно считали Бутэна предателем, стремившимся погубить Союз колоний, что повлекло бы за собой скорую гибель миллионов людей. Обиняне же, столь же естественно, относились к нему как к одному из великих героев своего народа, как к Прометею, давшему им не просто огонь, а нечто большее – личность. Если вам когда-нибудь потребуется доказательство относительности понятия героизма, можете не задумываясь использовать эту коллизию.

Мое собственное отношение к данному вопросу было несколько более сложным. Да, он был предателем своей расы и заслуживал смерти. Но помимо этого он являлся еще и биологическим отцом Зои. А моя приемная дочь – не только красавица и умница, но и на редкость замечательный человек. Трудно сознаться даже самому себе, что ты рад гибели ее отца.

Неудивительно, что обиняне буквально обожествляли Зою: одним из первых условий соглашения с СК было не что иное, как требование постоянного права общения с нею. Это право им в конечном счете было дано, и два обинянина с тех пор постоянно жили бок о бок с Зою в нашей семье. Зоя назвала их Хикори и Дикори. Они получили разрешение пользоваться своим имплантированным самосознанием для записи части того времени, которое проводили с Зою. Эта запись, опять же через имплантаты, поступала ко всем обинянам, так что получалось, будто рядом с Зою находятся все они. За прошедшие годы Хикори и Дикори овладели английским языком едва ли не лучше большинства представителей человечества, с которыми мне приходилось иметь дело. Разве что иногда путались в словах.

Пока Зою была еще слишком мала для того, чтобы в полной мере понять, что именно происходит, мы с Джейн допускали эту практику в очень ограниченных масштабах. Когда же дочь стала достаточно взрослой, она решила сохранить прежнее положение. Ей очень понравилась мысль о том, что она будет делить свою жизнь с целой расой, хотя, конечно, как и любой подросток, очень высоко ценила возможность побыть в одиночестве. Если она выказывала такое желание, Хикори и Дикори выключали свои имплантаты, очевидно, не видя смысла тратить попусту драгоценные эмоции на время, которое приходилось проводить вдали от Зои. А вот желание общаться со мной с использованием искусственной личности было чем-то совершенно новым.

Включение воротников, куда была вмонтирована электроника, и установление связи между приборами и нервными системами Хикори и Дикори разделялись небольшой паузой. То, что происходило за эти секунды, походило на пробуждение лунатиков, если наблюдать за ними со стороны. И еще это было немного жутковато. Но самая жуть началась потом: Хикори улыбнулся мне.

– Нам будет очень грустно расстаться с этим местом, – сказал он. – Пожалуйста, поймите, что мы провели здесь всю свою сознательную жизнь. То, что мы здесь испытали, глубоко врезалось в наши чувства – наши и каждого представителя народа обинян. Мы благодарны вам за то, что вы позволили нам разделить с вами эту жизнь.

– Нам это было приятно, – ответил я.

Было похоже, что обвиняне просто-напросто решили провести с нами совершенно тривиальную сентиментальную беседу.

– Вы говорите так, будто собираетесь покинуть нас. Но я-то думал, что поедете с нами и дальше.

– Мы поедем с вами, – продолжил Хикори. – Дикори и я, мы оба хорошо осознаем всю тяжесть доставшегося нам бремени – общения с вашей дочерью и передачи впечатления всем остальным обвинянам. Это порой бывает невыносимо тяжело. Видите ли, мы не можем надолго оставлять наши имплантаты включенными. Слишком велико эмоциональное напряжение. Имплантаты далеко не совершенны, и нашим мозгам из-за этого приходится несладко. С нами происходит... это нечто вроде сильнейшего перевозбуждения.

– Я этого не знал, – несколько растерянно произнес я.

– Нам не хотелось обременять вас этой информацией. К тому же вам было совсем не нужно этого знать. Мы все организовали так, чтобы вы оставались в неведении. Но недавно и Дикори, и я обнаружили, что, когда мы включаем имплантаты, нас сразу же захлестывают эмоции – относящиеся к Зои, к вам и к лейтенанту Саган.

– Сейчас у всех нас напряженное время, – заметил я.

Обвинянин снова ответил улыбкой, еще более ужасной, чем первая.

– Прошу меня извинить, – сказал он. – Я выразился неясно. Наши эмоции – это не просто неопределенное волнение из-за отъезда из этого места или с этой планеты и не возбуждение или нервозность, связанные с путешествием в новый мир. Это совершенно определенное переживание. Это беспокойство.

Последнее слово он произнес с ударением.

– Я думаю, что у всех нас есть основания для беспокойства... – начал было я, но тут же умолк, увидев на лице Хикори новое выражение, какого никогда прежде не замечал: Хикори выглядел раздраженным или, возможно, расстроенным моей тупостью. – Прошу прощения, Хикори. Продолжайте, пожалуйста.

Он с минуту стоял неподвижно, как будто обдумывал что-то, а потом резко повернулся и принялся совещаться с Дикори. Я между тем думал, что никогда еще имена персонажей старинного стишка, которые маленький ребенок шаловливо дал этим существам несколько лет назад, не подходили им до такой степени.

– Прошу простить меня, майор, – в очередной раз извинился Хикори, вновь обернувшись ко мне. – Очень жаль, что я высказываюсь настолько невнятно. Нам очень трудно правильно передать суть нашего беспокойства. Вы можете быть не осведомлены о некоторых фактах, и, возможно, совсем не наше дело сообщать их вам. Позвольте мне задать вопрос: каково, по вашему мнению, состояние этой области космоса? Той, в которой живем мы, народ обвинян, вы, Союз колоний, и множество других рас.

– Вся эта область находится в состоянии войны, – не задумываясь ответил я. – У нас есть колонии, которым мы пытаемся обеспечить безопасность. У других рас тоже есть колонии, и они точно так же стремятся обеспечить их существование. Все мы сражаемся за планеты, соответствующие потребностям наших рас. И потому деремся друг с другом.

– Да-да, – сказал Хикори. – Все мы деремся друг с другом. И нет никаких союзов? Никаких соглашений?

– Судя по всему, есть, но очень немного. У нас есть соглашение с обвиняемыми. Другие расы тоже вполне могут заключать соглашения и иметь союзников среди других народов. Но в целом так оно и есть. Все грызутся со всеми. А в чем дело?

Пугающая улыбка Хикори стянулась к ротовому отверстию и исчезла.

– Мы скажем вам все, что можем, – сказал он. – Мы можем сказать вам о тех вещах, которые уже обсуждались. Мы знаем, что ваш министр колонизации заявил, будто планета,

которую вы называете Роаноком, передана вам обинянами. Та планета, которую мы называем Гарсинхир. Мы знаем, что утверждается, будто мы взяли у вас другую планету взамен.

– Совершенно верно.

– Такого соглашения нет, – заявил Хикори. – Гарсинхир остается территорией обинян.

– Но ведь этого не может быть! Я и сам был на Роаноке. Ходил по тому самому месту, где будет колония. Мне кажется, что вы, скорее всего, ошибаетесь.

– Мы не ошибаемся, – твердо сказал Хикори.

– А я думаю, что ошибаетесь. Пожалуйста, поймите меня правильно, но ведь вы всего лишь спутники и телохранители подростка человеческой расы. Возможно, те, кто снабжает вас информацией, полагающейся для вашего уровня, имеют неполные или неточные сведения.

На лице Хикори мелькнуло еще одно новое для меня выражение; я подозреваю, что это было не что иное, как насмешка.

– Не сомневайтесь, майор, обиняне не пошлют охранять и заботиться о дочери Бутэна и ее близких простых телохранителей. И не сомневайтесь в том, что Гарсинхир принадлежал и принадлежит народу обинян.

Я задумался.

– Получается, что Союз колоний лжет, говоря о статусе Роанока.

– Возможно, вашего министра колонизации дезинформировали, – предположил Хикори. – Тут мы не можем ничего сказать. Но, какова бы ни была причина ошибки, она существует как факт.

– Может быть, обиняне решили позволить нам колонизировать свой мир? Насколько я понимаю, химическая организация ваших организмов делает вас восприимчивыми к местным инфекциям. Получить союзника выгоднее, чем оставить за собой непригодный к заселению мир.

– Возможно.

Мне показалось, что это слово Хикори произнес ничего не выражающим тоном, какой мог быть присущ опытному дипломату.

– Колонистское судно отправится от станции «Феникс» через две недели, – сказал я. – Еще одна неделя – и мы приземлимся на Роаноке. Даже если то, что вы говорите, верно, я не могу предпринять ровным счетом ничего.

– Я должен снова принести вам извинения, – сказал Хикори. – Я вовсе не имел в виду, что вы должны или могли бы что-нибудь сделать. Я лишь хотел, чтобы вы знали. И еще понимали хотя бы часть сути нашего беспокойства.

– Хотите ли вы сообщить мне что-нибудь еще?

– Мы сказали вам все, что могли. Кроме одного. Мы – ваши слуги, майор. Ваши, лейтенанта Саган и, конечно, всегда и неизменно – Зои. Ее отец подарил нам самих себя. Он запросил за это высокую цену, которую мы с готовностью и желанием заплатим.

Я внутренне содрогнулся при этих словах, вспомнив, какую цену он запросил.

– Он умер до того, как мы смогли расплатиться с ним. Теперь этот долг принадлежит его дочери; он возрос, поскольку она разрешила нам сопутствовать ей в ее жизни. И за это мы тоже в долгу перед ней. И перед ее семьей.

– Благодарю вас, Хикори, – сказал я. – Мы чрезвычайно благодарны за то, что вы и Дикори так старательно и заботливо служили нам.

И снова лицо Хикори украсила устрашающая улыбка.

– Должен с сожалением заметить, что вы снова неправильно истолковали мои слова, майор. Да, конечно, я и Дикори находимся и навсегда останемся на службе у вас. Но, когда я говорю, что мы ваши слуги, я подразумеваю народ обинян.

– Народ обинян... – повторил я. – Вы хотите сказать: всех вас?

– Да, – подтвердил Хикори. – Всех нас. До последнего из нас, если потребуется.

– О... – протянул я. – Теперь уже я должен просить у вас прощения, Хикори. Я никак не соображу, что вам на это ответить.

– Скажите, что запомните это, – подсказал Хикори. – И вспомните, когда придет время.

– Обещаю.

– И еще мы просили бы вас сохранить этот разговор в секрете, – добавил Хикори. – Пока не придет время.

– Хорошо.

– Спасибо, майор.

Хикори оглянулся на Дикори и вновь обратился ко мне:

– Боюсь, что мы сделали себя чрезмерно эмоциональными. Теперь мы, с вашего позволения, выключим имплантаты.

– Пожалуйста.

Оба обвинянина подняли руки к шеям, чтобы отключить свои искусственные личности. Я отчетливо видел, как оживление покидало их лица, сменившись выражением полного безразличия.

– Пришло время нам отдохнуть, – сказал Хикори и вместе со своим напарником удалился, оставив меня одного в пустой комнате.

3

Вот один из способов колонизации: вы набираете двести-триста человек, позволяете им запастись любым имуществом, которое они сочтут нужным, высаживаете на облюбованной планете, говорите им «Пока» и возвращаетесь через год, чтобы узнать, что все умерли от голода, явившегося следствием элементарной небрежности и нехватки запасов, или же что их истребили колонисты другой расы, присмотревшие это место для себя. В лучшем случае вам удастся собрать их кости.

Это, мягко выражаясь, не самый удачный путь. За отчаянно короткий период, отведенный нам для подготовки, мы с Джейн прочитали достаточно докладов о катастрофах, постигших основанные именно таким образом «дикие» колонии, чтобы накрепко утвердиться в этом мнении.

С другой стороны, не вполне разумно доставлять во вновь колонизируемый мир сто тысяч человек, снабдив их всеми благами цивилизации. Союз колоний располагает возможностями поступить так, если потребуются. Но этого не требуется. Независимо от того, насколько близки тамошние условия – гравитационное поле, величина планеты, географическое расположение континентов, состав атмосферы и химическое строение живых организмов – к условиям Земли или любых других планет, колонизированных на сегодня людьми, это не Земля. И у нас нет никакой возможности заранее узнать, какие неприятные сюрпризы приготовила нам неизвестная планета. Даже Земля обладает весьма впечатляющей способностью порождать новые болезни, гарантированно убивающие беспечных людей, а ведь мы там аборигенный вид. Для всех иных миров, куда мы высаживаемся, мы – инородные тела. А что делает любая живая система, когда в нее попадает инородный организм, хорошо известно: пытается как можно быстрее убить его.

Вот интересная закономерность, которую я заметил, изучая документы о неудачных попытках колонизации: если не брать в расчет «дикие» колонии, главной причиной вымирания являются не территориальные споры с другими расами, а местные насекомые, убивающие поселенцев. От войск других разумных рас мы можем отбиться. Борьба против целостной экосистемы, которая изо всех сил старается разделаться с вами, дело куда более сложное.

Высадить сто тысяч колонистов на планету только для того, чтобы наблюдать издали, как все они скоростно умирают от некоей местной инфекции, с которой вы не в состоянии вовремя справиться, – это всего лишь бесполезная трата прекрасных запасов живой силы.

Но ни в коем случае нельзя недооценивать и территориальные споры. График показывает экспоненциальный всплеск вероятности того, что человеческая колония подвергнется нападению в первые два-три года своего существования. Колония строится, она занята своими делами и потому наиболее уязвима для нападения со стороны. Гарнизон ССК в новой колонии, пусть и довольно сильный, представляет собой лишь незначительную часть от тех сил, которые появятся там после того, как над планетой через десяток-другой лет будет построена космическая станция. Сам факт колонизации планеты делает ее более привлекательной для любого конкурента, потому что первые колонисты проделали всю самую тяжелую работу. Теперь вам остается совсем немного – очистить планету от них и забрать себе.

Несмотря на то что Союз колоний старательно «окучивает» страны третьего мира на Земле в поисках будущих колонистов, если вы будете терять по сотне тысяч человек при каждой неудачной попытке основать новую колонию, рано или поздно вам станет не хватать людей для заселения миров.

К счастью, между этими двумя сценариями имеется некое подобие золотой середины. Она заключается в том, что вы берете порядка двух с половиной тысяч колонистов, высаживаете их на новую планету в начале весны, обеспечиваете надежной и выносливой техникой для

удовлетворения неотложных нужд и ставите перед ними две задачи. Во-первых, обосноваться самим в новом мире и, во-вторых, за два-три года создать там базу для приема еще десятка тысяч новых поселенцев. Колонисты второй волны должны будут за пять-семь лет подготовить почву для полусотни тысяч новеньких, и так далее.

Обычно бывает пять волн начальной колонизации. За это время численность населения колонии в идеале достигает примерно миллиона человек, расселенных по многочисленным деревенькам и паре-другой сравнительно крупных городов. После успешного выполнения плана пятой волны и формирования инфраструктуры колонии освоение планеты переходит в непрерывный процесс. Когда население возрастает миллионов этак до десяти, иммиграция прекращается, колония получает ограниченное самоуправление в составе федеральной системы Союза колоний, и человечество обретает очередной оплот против угрозы своего исчезновения как вида под натиском бездушной вселенной. Но все это может осуществиться лишь в том случае, если те первые две с половиной тысячи человек выживут в условиях враждебной экосистемы, военных агрессий других рас, извечно присущих человечеству организационных промахов и самого простого, вездесущего окаяннотого невезения.

Две с половиной тысячи колонистов – достаточно много для того, чтобы начать процесс преобразования мира для нужд человека. И в то же время достаточно мало. Так что в случае их гибели СК может утерять слезы и быстренько двинуться дальше. И, кстати, проливание слез совершенно не обязательно. Довольно пикантное положение – быть одновременно и критиком, и расходным материалом, который человечество использует для заселения звезд. Если уж говорить начистоту, пожалуй, для нас с Джейн было бы умнее остаться на Гекльберри.

– Ладно, сдаюсь. – Я показал пальцем на громадный контейнер, который затаскивали в грузовой отсек «Фердинанда Магеллана». – Признавайтесь, что там такое?

Альдо Ферро, грузовой помощник капитана, проверил декларацию на экране своей ЭЗК.

– В том, на который вы показываете, центрифуги для завода по переработке сточных вод вашей колонии. А вот это, – он указал на длинный ряд контейнеров, ждущих своей очереди, – канализационные трубы, перегниватели и конвейеры для отходов.

– Мне и самому не хотелось бы копать на Роаноке выгребные ямы. Я предпочитаю теплый клозет.

– Дело тут вовсе не в комфорте, – серьезно пояснил Ферро. – Вы отправляетесь на планету шестого класса, экологическая система которой полностью несовместима с нами. Вам потребуется все удобрение, какое вы будете в состоянии получить. Эта система переработки отходов будет потреблять все биологические продукты вашей жизнедеятельности – от мочи до трупов – и вырабатывать из них стерильный компост для ваших полей. Это, пожалуй, самая важная вещь из всего, что вписано в декларацию для этого трюма. Вы уж постарайтесь не сломать ее.

Я улыбнулся:

– Похоже, вы хорошо разбираетесь в канализации.

– Что есть, то есть. Но если серьезно, то я хорошо разбираюсь в комплектации груза для новых колоний. Я занимаюсь этим уже двадцать пять лет, и все это время мы почти без перерывов отправляли снаряжение для новых колоний. Покажите мне декларацию, и я расскажу вам, что из себя представляет планета, на которой устраивают колонию, какой там климат, какова сила притяжения и проживет ли колония дольше первого года. Может быть, вам будет интересно узнать, как я понял, что ваша колония будет устроена в несовместимой экосистеме? Конечно, не по очистному заводу. Он входит в стандартный комплект для любой колонии.

– Интересно. Еще как! – кивнул я.

Ферро набрал что-то на своей электронной записной книжке и протянул ее мне. Я увидел на экране список контейнеров.

– Начнем сначала, – сказал Ферро. – С продовольствия. Каждый колониальный корабль отправляется в рейс с трехмесячным запасом концентратов и основных пищевых продуктов для каждого члена колонии и дополнительным месячным запасом сухих пайков, которые обеспечивают колонию возможность начать охоту на местную дичь и таким образом добывать для себя пропитание. Но вы берете с собой продуктов на шесть месяцев и сухих пайков еще на два. Судя по этому грузу, экосистема там будет непригодна для человеческого организма – вы не сможете сразу же употреблять в пищу местную живность и растительность. Пожалуй, этих запасов даже больше, чем обычно берут на такие планеты: как правило, грузят четырехмесячный основной запас и дополнительный на шесть недель.

– Но почему же нам дали продовольствия больше обычного? – осведомился я.

Вообще-то я знал ответ на этот вопрос – как-никак я вроде бы начальник, – но мне хотелось посмотреть, действительно ли грузовой помощник такой мастак в своем деле, каким он себя считал.

Ферро улыбнулся:

– Разгадка лежит у вас прямо перед носом, мистер Перри. Вы везете также двойной запас почвоулучшителей и удобрений. Отсюда я делаю вывод, что почва там не ахти какая – в том смысле, что плохо подходит для возделывания привычных для человека культур. И дополнительное продовольствие даст вам добавочное время на тот случай, если какой-нибудь идиот плохо подготовит поля.

– Все правильно, – подтвердил я.

– И не могло быть иначе, – кивнул Ферро. – И напоследок: в составе ваших медикаментов больше, чем обычно, препаратов для лечения отравлений, что тоже типично для несовместимых экологий. И еще у вас чертова прорва ветеринарных нейтрализаторов ядов. Что может рассказать об очень многом...

Ферро забрал у меня ЭЗК и вывел на экран следующий список.

– Двойной запас корма для скота.

– Вы блестяще разбираетесь в документации, Ферро, – похвалил я. – А насчет колонизации никогда не задумывались?

– Избави бог, – отмахнулся он. – Я слишком хорошо знаю о том, что случается со многими из этих новых колоний, чтобы меня туда не тянуло. С меня хватит и того, что я загружу ваше барахло здесь, выгрузу его там, а потом пожелаю вам счастливо оставаться и вернусь домой на Феникс, к жене и кошке. Только не сочтите за обиду, мистер Перри.

– Не беспокойтесь. – Я вновь указал на экран. – Если не ошибаюсь, вы начали с того, что сказали, будто можете по этим спискам определить, выживет колония или нет. Что вы думаете о нас?

– Вы подготовились ко всему. У вас все пройдет прекрасно. Но среди вашего имущества есть чертовски странные вещи. Есть даже такое, чего мне никогда прежде не попадалось. У вас целые контейнеры, набитые музейными экспонатами.

Ферро вновь развернул экран ко мне.

– Вот, смотрите, полный комплект оборудования для кузницы. По образцу тысяча восемьсот пятидесятого года. Я и не предполагал, что такое можно увидеть где-нибудь, кроме передвижной развлекательной ярмарки.

Я пробежал глазами список.

– Среди наших колонистов есть меннониты. Они предпочитают не использовать современную технологию, если могут обойтись без нее. Они называют это соблазном.

– И сколько у вас таких? – осведомился Ферро.

– Человек двести – двести пятьдесят, – ответил я, возвращая ЭЗК.

– Ого! Ну что ж, если так, то, можно сказать, что вы готовы ко всему, вплоть до путешествия во времени в эпоху Дикого Запада. Если из колонии не выйдет толку, вы не сможете оправдаться нехваткой инвентаря.

– Значит, вина может быть только моей, – вздохнул я.

– Может, и так, – отозвался Ферро.

– Я думаю, можно смело сказать, что все мы сходимся в одном: никто из нас не хочет увидеть неудачи этой колонии, – сказал Манфред Трухильо. – Я не считаю такой исход вероятным. Но тем не менее меня тревожат некоторые из принятых решений. Боюсь, что они затрудняют наше положение.

Сидевшие вокруг стола задумались, кое-кто закивал. Я заметил, что находящаяся справа от меня Савитри отмечает в блокноте, кто именно кивал. Джейн на противоположном конце была совершенно неподвижна, но я знал, что она тоже считает головы. Как-никак она была разведчицей. И выработанные тогда умения останутся при ней навсегда.

Подходило к концу первое собрание совета Роанока, состоявшего из меня и Джейн как руководителей колонии и десяти представителей колонистов – по одному от каждого мира, – которым предстояло исполнять обязанности наших заместителей. По крайней мере, так предполагалось теоретически. Ну а в действительности присутствующие уже начали борьбу за первенство и собирались всеми правдами и неправдами добиваться власти.

Первым кинулся в бой Манфред Трухильо. Именно он, занимая пост представителя Эри в СК, несколько лет назад инициировал движение за право позволить колониям самим осваивать планеты. Его постигло сильное разочарование, когда Департамент колонизации принял эту идею, но не поставил его во главе предприятия. Еще более тяжким ударом оказалось то, что руководителями колонии сделали нас, людей, о которых он ничего не знал и которые, похоже, не испытывали особого восхищения его персоной. Но у него хватило ума скрыть свое недовольство под маской высоких материй. На всем протяжении собрания он с большой настойчивостью и отеческим видом пытался со всех сторон подкапываться под нас с Джейн.

– Взять, к примеру, этот совет, – продолжал Трухильо, обведя взглядом всех сидевших за столом. – Каждый из нас облечен доверием своих товарищей-колонистов как представитель их интересов. Не сомневаюсь, что все мы будем достойно выполнять эти обязанности. Но ведь этот совет – совещательный орган при руководителях колонии, совещательный, и не более. И я задаюсь вопросом, позволяет ли нам такой статус наилучшим образом представлять думы и чаяния колонии?

«Мы еще и от причала не отошли, а он уже затевает мятеж», – подумал я.

В те годы, когда у меня был МозгоДруг, я мог бы передать эту мысль Джейн; впрочем, она перехватила мой взгляд и достаточно хорошо поняла, о чем я думал.

– Управление новыми колониями осуществляется согласно инструкциям Департамента колонизации, – вмешалась Джейн. – А в этих инструкциях специально оговорено, что руководители колонии обладают единоличной административной и исполнительной властью. В первое время после прибытия дела могут пойти достаточно сумбурно, так что созывать собрание и дожидаться кворума всякий раз, когда понадобится принять решение, будет не самым лучшим из возможных вариантов.

– Я не собираюсь ставить под сомнение ваши профессиональные качества, – заявил Трухильо. – Дело лишь в том, что наше участие не должно ограничиваться чисто символическим обсуждением. Многие из нас связаны с этой колонией еще с тех времен, когда она лишь намечалась в виде эскизного проекта. У нас есть богатейший опыт.

– Особенно если учесть, что мы подключились к делу лишь пару месяцев назад, – подлил я масла в огонь.

– Вы действительно недавнее, но очень полезное дополнение к нашему общему делу, – без секундной запинки ответил Трухильо. – И мне очень хотелось бы надеяться, что вы увидите те преимущества, какие даст вам наше участие в процессе принятия решений.

– Мне кажется, что инструкция по осуществлению колонизации была составлена не без веских оснований, – сказал я. – ДК вел надзор за колонизацией множества миров и вполне мог поднабраться опыта.

– Те колонисты, о которых вы говорите, принадлежали к самым обездоленным земным нациям, – продолжал атаку Трухильо. – Они лишены многих из тех достоинств, которыми обладаем мы.

Я ощутил, как напряглась Савитри: чванство старинных колоний, основанных западными странами еще до того, как СК взял процесс колонизации в свои руки, всегда возмущало ее.

– О каких особых достоинствах вы говорите? – осведомилась Джейн. – Мы с Джоном прожили семь последних лет среди этих колонистов и их потомков. Савитри, присутствующая здесь, – одна из них. Я не вижу у собравшихся за этим столом никаких особых достоинств по сравнению с ними.

– Вероятно, я неудачно выразился... – вкрадчиво произнес Трухильо, начиная, как я решил, еще одну замаскированную атаку.

– Вероятно, да, – ответил я, не давая ему развить мысль. – Однако боюсь, что этот вопрос представляет чисто академический интерес. Инструкции ДК дают нам крайне мало вариантов выбора форм управления первыми волнами колонизации и при этом не делают ровно никаких скидок на прежнюю национальную принадлежность колонистов. Мы обязаны относиться одинаково ко всем, вне зависимости от того, откуда они прибыли. Мне кажется, что это мудрая политика, ведь правда?

Трухильо умолк, выискивая возможность для обходного маневра; было заметно, что направление, которое приобрела затеянная им дискуссия, вызвало у него немалое раздражение.

– Да, конечно.

– Мне очень приятно это слышать. Так что первое время мы будем следовать инструкциям. А теперь, – продолжил я, прежде чем Трухильо успел сообразить, какую еще шпильку можно было бы вонзить, – кто хочет еще что-нибудь сказать?

– Некоторые из моих земляков недовольны отведенными им местами, – сообщил Пауло Гутьеррес, представитель Хартума.

– А что именно их не устраивает?

– Они недовольны тем, что их поселили далеко от других колонистов из Хартума, – пояснил он.

– Корабль имеет в длину всего лишь несколько сотен метров, – напомнил я. – А информацию о расселении пассажиров в любой момент можно получить через ЭЗК. У них не должно быть никаких сложностей с поисками друг друга.

– Лично я это понимаю, – ответил Гутьеррес. – Перелеты будет легче переносить, если у нас будет возможность объединиться в наши привычные группы.

– Именно поэтому мы так не поступаем, – пояснил я. – Вы же знаете, что, как только мы опустимся на Роанок, среди нас не будет ни хартумцев, ни эрийцев, ни киотцев.

Я посмотрел на Хайрама Йодера, и тот кивнул в ответ.

– Мы все станем роанокцами. И пора, не откладывая, начать становиться ими. Нас всего две тысячи пятьсот человек. Маловато для того, чтобы разбиться на десять отдельных племен.

– Очень верная мысль, – отозвалась Мария Черная с Руси. – Но я не думаю, что наши поселенцы смогут быстро забыть, откуда прибыли.

– Об этом я даже не думаю, – ответил я. – Да я и вовсе не хочу, чтобы они забыли, где их прародина. Но надеюсь, что они будут думать не о прошлом, а о настоящем. Вернее, о ближайшем будущем.

– Колонисты здесь олицетворяют свои миры, – вставил Трухильо.

– Имеет смысл поступить именно так, – с намеренной неопределенностью сказала Джейн. – По крайней мере, на данный момент. А оказавшись на Роаноке, мы сможем вернуться к этому вопросу.

Все собравшиеся несколько секунд думали над смыслом сказанного.

Затем руку подняла Марта Пиро с колонии Чжунго.

– Прошел слух, что вместе с нами на Роанок летят два обинянина, – сказала она.

– Это не слух, – ответил я, – а чистая правда. Хикори и Дикори, можно сказать, члены нашей семьи.

– Хикори и Дикори? – переспросил Ли Чен с Франклина.

– Так назвала их наша дочь Зои, когда была маленькой, – объяснил я.

– Если позволите, я хотела бы спросить, как это может быть: два обинянина – и вдруг члены вашей семьи? – продолжала допытываться Пиро.

– Наша дочь держит их вместо домашних животных, – рубанула Джейн.

Ее слова вызвали несколько напряженный смех. А я решил, что дело не так уж плохо. После часа непрерывных, не слишком тонко замаскированных нападок со стороны Трухильо, слава людей, способных держать при себе в роли слуг или просто для развлечения грозных иноплеменных существ, могла пойти нам только на пользу.

– Вы обязательно, обязательно должны выкинуть этого сукина сына Трухильо в открытый космос! – воскликнула Савитри после того, как комната опустела.

– Успокойся, – попросил я. – Просто некоторые люди не могут ни есть, ни спать, если не руководят чем-нибудь или кем-нибудь.

– Гутьеррес, Черная и Трухильо сколачивают свою собственную политическую партию, – сказала Джейн. – И, конечно, Трухильо уже примчался к Кранджичу и сейчас излагает ему подробности собрания. Они успели прекрасно спеться друг с другом.

– Но нам это не грозит никакими проблемами, – заметил я.

– Не грозит, – согласилась Джейн. – Похоже, что никто из остальных депутатов не питает большой симпатии к Трухильо, а рядовые колонисты все еще грузятся на борт. У него не было времени, чтобы познакомиться с кем-либо, кто не с Эри. Но даже будь у него время, все равно он не имел бы шансов добиться у ДК нашей замены. Секретарь Белл ненавидит Трухильо еще с тех пор, как они оба представляли свои планеты. Воспользоваться его идеей и поставить нас во главе колонии – такое она могла устроить лишь для того, чтобы лишний раз щелкнуть его по носу.

– Генерал Райбики предупреждал нас, что эта история серьезно связана с политикой, – напомнил я.

– Генерал Райбики имеет обыкновение недоговаривать многое из того, что нам следовало бы знать, – бросила Джейн.

– Возможно, так оно и есть, – кивнул я. – Но здесь он сказал правду. И, как бы то ни было, давай не будем слишком сильно волноваться из-за этого. У нас полно дел, а после того, как «Магеллан» отчалит от станции «Феникс», их станет еще больше. Так вот, что касается дел: я обещал Зои сегодня свозить ее на Феникс. Кто-нибудь хочет отправиться со мной? Пока что в составе экспедиции я, Зои и двойняшки-обиняне.

– Я, пожалуй, пропущу, – сказала Савитри. – Мне надо привыкнуть к Хикори и Дикори.

– Но ведь ты знакома с ними уже семь лет, – удивился я.

– Да, – согласилась Савитри. – Семь лет – по пять минут общения зараз. Мне необходимо поработать над техникой продолжительных свиданий.

– Замечательно.

Я повернулся к Джейн:

– А какие планы у тебя?

– У меня назначена встреча с генералом Сциллардом. Он хочет получше разобраться в ситуации.

Сциллард являлся ни больше ни меньше командующим Специальными силами.

– Ладно, значит, ты тоже отпадаешь, – подытожил я.

– А что вы собираетесь там делать? – спросила Джейн.

– Мы отправляемся навестить родителей Зои, – ответил я. – Тех, других.

Я стоял перед могильной плитой, на которой были высечены имена отца Зои, ее матери и самой Зои. Дата смерти Зои, определенная на основе ошибочного предположения, что она погибла во время нападения на колонию, была, как мы прекрасно знали, неверна, как, впрочем, и дата смерти ее отца (хотя эта ошибка была не столь очевидной). Конец жизненного пути ее матери был обозначен точно. Зои присела на корточки, чтобы вплотную приблизиться к этим именам. Хикори и Дикори включили свои электронные личности, чтобы испытать десятисекундный экстаз от сознания того, что они находятся возле итоговой вехи жизненного пути Бутэна. Сейчас, отключив имитаторы, они с безразличным видом стояли поодаль.

– Я помню, как была здесь в прошлый раз, – сказала Зои.

Букетик цветов, который она принесла, лежал на могильном камне.

– Это было в тот самый день, когда Джейн спросила меня, хочу ли я жить вместе с вами – с нею и с тобой.

– Да, – отозвался я. – Ты узнала, что будешь жить со мной, даже раньше, чем я сам узнал, что буду жить с тобой и с Джейн.

– Но я-то думала, что у тебя и Джейн любовь. Что вы давно уже решили жить вместе.

– Насчет любви ты не ошибалась, – подтвердил я. – И жить вместе мы решили уже давно. Но все это было очень непросто.

– Все в нашей маленькой семье непросто, – вздохнула Зои. – Тебе восемьдесят восемь лет. Джейн на год старше меня. А я – дочь предателя.

– Ко всему прочему, ты единственная девочка во вселенной, имеющая личный эскорт из обинян, – добавил я.

– Кстати, о сложностях, – сказала Зои. – Днем я нормальный ребенок. А по ночам превращаюсь в объект поклонения целой иноплеменной расы.

– Бывает положение и похуже.

– Наверное, – кивнула Зои. – А вы считали, что, раз мне поклоняется разумная раса, я буду все время отлынивать от домашних дел? Не надейтесь, я это хорошо замечала.

– Мы не хотели, чтобы это вскружило тебе голову, – коротко объяснил я.

– Спасибо, – бросила она и указала на надгробный камень. – Даже с этим куда сложнее, чем у нормальных людей. Я жива, а вместо моего отца здесь захоронен его клон. Единственный настоящий человек из всех троих, кто тут якобы лежит, – моя мать. Моя родная мать. Все это очень, очень непросто.

– Мне очень жаль...

Зои пожала плечами:

– Я к этому давно привыкла. И в основном это не так уж плохо. К тому же расширяет кругозор, скажешь – нет? Когда я в школе слушала, как Анджали или Чадна жаловались на сложности своей жизни, я думала: девочки, да вы и понятия не имеете, что такое настоящая сложность.

– Рад, что ты научилась так хорошо справляться с этим.

– Я стараюсь. И должна признаться, что тот день, когда вы с Джейн сказали мне правду о папе, был не самым лучшим в моей жизни.

– Нам он тоже не доставил радости. Но мы решили, что ты имеешь полное право знать правду.

– Я знаю. – Зои встала. – Но ведь ты должен понимать, что это значит: проснуться утром, считая своего родного отца простым ученым, а ложась спать – знать о том, что это вовсе не так и что он мог бы истребить всю человеческую расу. От такого у кого угодно голова пойдет кругом.

– К тебе твой отец относился хорошо. Кем бы он ни был и что бы еще он ни делал, тебя он воспитывал правильно.

Зои шагнула ко мне и обняла.

– Спасибо, что привез меня сюда. Ты хороший парень, девяностолетний папаша.

– А ты – отличный ребенок, взрослеющая дочь, – ответил я. – Ну что, пойдём?

– Еще секундочку.

Она вернулась к могильному камню, быстро опустила на колени и поцеловала плиту. Затем встала и вдруг сделалась похожей на самое себя – на подростка, охваченного бурей чувств.

– Я поступила так, когда была здесь в прошлый раз. Мне хотелось посмотреть, испытаю ли я сейчас то же самое, что и тогда.

– Ну и?

– Да, – отозвалась необычно притихшая Зои. – Ладно, пойдём.

Мы направились к воротам кладбища; я достал из кармана ЭЗК и вызвал такси.

– Как тебе нравится на «Магеллане»? – спросил я Зои.

– Очень интересно. Я ведь давно не бывала на космическом корабле и совсем забыла, как там и что. А какой он большой!

– Но ведь нужно где-то разместить две с половиной тысячи колонистов и все, что они везут с собой.

– Я понимаю, – махнула рукой Зои. – Просто говорю, что он большой. Хотя теперь он уже начинает заполняться. Туда прибывают колонисты. Я уже познакомилась с несколькими. В смысле – моих лет.

– Кто-нибудь тебе понравился? – поинтересовался я.

– Парочка нашлась, – ответила Зои. – А одна девочка, похоже, очень хочет со мной подружиться. Гретхен Трухильо.

– Ты сказала – Трухильо?

Зои кивнула:

– Да. А в чем дело? Ты ее знаешь?

– Возможно, я знаком с ее отцом.

– Мир тесен, – философски заметила Зои.

– И скоро станет еще намного теснее, – добавил я.

– Хорошо подмечено. – Зои огляделась вокруг. – Интересно, я когда-нибудь попаду сюда хоть еще разок?

– Ты отправляешься всего лишь в новую колонию, – ответил я, – а не на тот свет.

Зои улыбнулась:

– Похоже, ты не обратил внимания на мою могилку, папочка. Я ведь уже была на том свете. Вернуться оттуда совсем не трудно. Это с жизнью трудно справиться.

– Джейн легла спать, – сообщила мне Савитри, когда мы с Зои вернулись в нашу каюту. Вернее, это были апартаменты люкс из нескольких комнат для особо важных пассажиров. – Она сказала, что неважно себя чувствует.

Я удивленно вскинул брови: Джейн была самым здоровым человеком из всех, кого я когда-либо знал, и оставалась такой даже после пересадки в стандартное человеческое тело.

– Да, понимаю, – ответила Савитри на мой невысказанный вопрос. – Мне тоже это показалось странным. Она сказала, что с ней все в порядке, но просила не тревожить ее хотя бы несколько часов.

– Спасибо, что предупредила. Все равно мы с Зои собирались пойти на обзорную палубу. Не хочешь присоединиться к нам?

– Джейн попросила меня кое-чем заняться, пока она спит, – сказала Савитри. – Так что погуляю в другой раз.

– На меня ты никогда не вкалывала так старательно, как на Джейн, – недовольно заметил я.

– Тут все дело во вдохновляющем примере деятельного руководителя.

– Вот и прекрасно, – сказал я.

Савитри отмахнулась от последней реплики.

– Когда Джейн проснется, я свяжусь с вами через ЭЗК. А теперь идите. Вы мне мешаете.

Обзорная палуба «Магеллана» была оформлена в виде маленького парка, и уже сейчас там находилось много колонистов, опробующих те развлечения, которые «Магеллан» намеревался предложить им, чтобы скрасить недельный перелет к точке скачка до Роанока. По пути Зои заметила трех девочек-подростков и помахала им. Одна помахала в ответ и сделала приглашающий жест. Я подумал, не могла ли это быть Гретхен Трухильо. Зои коротким взглядом попрощалась со мной и помчалась к новым подружкам. Я же в одиночестве бродил по палубе, разглядывая моих товарищей-колонистов. Вскоре большинство из них будут с первого взгляда узнавать во мне руководителя колонии. Ну а пока что я благополучно наслаждался анонимностью.

На первый взгляд могло показаться, что колонисты разгуливают совершенно свободно, но уже через пару минут я заметил, что они собираются в почти не соприкасающиеся группки. Общим для всех колоний был английский язык, но у каждого мира имелось по одному, а то и по несколько основных языков, бывших родными для их предков. Вот и сейчас я слышал обрывки речей на испанском, китайском, португальском, русском, немецком.

– Вы тоже их слышите, – сказал кто-то у меня за спиной.

Я повернулся и увидел Трухильо.

– Все говорят на разных языках, – пояснил он и улыбнулся. – Полагаю, что вы скажете, что это рудименты наших старых миров. Но лично я сомневаюсь, что, когда мы окажемся на Роаноке, люди перестанут говорить на этих старых языках.

– Следует ли понимать ваши слова как тонкий намек на то, что колонисты не станут спешить отказываться от своей национальной принадлежности, чтобы сплотиться во вновь образовавшийся роанокский народ?

– Это всего лишь наблюдение. И я уверен, что в свое время все мы станем... роанокцами.

Трухильо произнес последнее слово так, будто оно представляло собой что-то острое и шершавое и ему лишь с большим трудом удалось вытолкнуть его из горла.

– Только на это потребуется некоторое время. Возможно, больше времени, чем вы рассчитываете. В конце концов, мы сейчас делаем нечто новое. Не просто создаем новую колонию на основе одного из старинных миров, а смешиваем десять различных культур. Если говорить начистоту, я думаю, что Департамент колонизации должен был принять мое первоначальное предложение и позволить каждой из колоний независимо от других осваивать новый мир.

– Так ведь для этого и существует бюрократия, – заметил я. – Чтобы портить идеальные планы.

– Да, пожалуй... – протянул Трухильо и слабо махнул рукой на разноязычных поселенцев и, вероятно, на меня. – Ни для кого не секрет, что дело тут прежде всего в моей вражде с министром Белл. Она с самого начала была против Роанока, но давление со стороны колоний было слишком сильным, и ей не удалось совсем погубить эту инициативу. Но никто не мог

помешать ей организовать все чрезвычайно непрактично. В том числе и поручить руководство колонии двоим, пусть даже способным, но совершенно неопытным людям, которые даже не представляют себе, где заложены самые опасные мины. А если колонизация не удастся, из них можно будет сделать прекрасных козлов отпущения.

– Вы считаете нас простофилями? – решил уточнить я.

– Я хочу сказать, что и вы, и ваша жена – умные и компетентные люди, но плохо представляете себе политические игры, – пояснил Трухильо. – Когда колонизация провалится, вина будет возложена не на Белл, а на вас.

– Но ведь это она выбрала нас.

– Разве? Я слышал, что ваши кандидатуры предложил генерал Райбики. Ему политические бури не страшны, ведь он из ССК, а там не обязаны думать о политике, о причинах и следствиях различных поступков. Нет, Перри, дерьмом будут забрасывать именно вас с супругой.

– Вы, похоже, уверены, что колонизация провалится, – сказал я. – Но все же летите с нами.

– Я уверен, что колонизация может провалиться. И уверен, что многих людей, в том числе министра Белл, эта неудача сильно обрадует, так как поможет расквитаться с собственными политическими противниками и прикрыть собственную некомпетентность. И потому они совершенно определенно разработали весь проект с расчетом именно на провал. И воспрепятствовать этому гнусному плану, помочь колонии выжить могут только люди, обладающие желанием и соответствующим опытом.

На последнем слове он сделал сильное ударение.

– Например, такой человек, как вы, – сказал я.

Трухильо шагнул поближе.

– Перри, я понимаю, что вполне можно подумать, будто все дело в моем больном самолюбии. Действительно, оно серьезно задето. Но я хотел бы, чтобы вы приняли во внимание еще вот какое соображение. На этом корабле полетят две тысячи пятьсот человек, и произойдет это потому, что шесть лет назад, в палате представителей СК, я поднялся и потребовал для нас права колонизации. Я несу ответственность за то, что они оказались здесь, а также и за то, что я не сумел воспрепятствовать Белл и ее клике снарядить эту колонию в самоубийственный путь. Я несу ответственность за тот колоссальный риск, которому через несколько дней подвергнутся все эти люди. Сегодня утром я предлагал, чтобы вы позволили нам оказывать вам помощь в управлении колонией вовсе не потому, что мне необходимо держать руку на пульсе событий. Я заговорил об этом лишь затем, что при тех обстоятельствах, в какие вас поставил ДК, вам потребуется вся возможная помощь, а ведь люди, с которыми вы разговаривали сегодня утром, посвятили нашему делу несколько лет своей жизни. Если мы не будем помогать вам, результат будет самым плачевным, и другого выхода просто не может быть.

– Я ценю вашу уверенность в своих организаторских способностях, – вставил я.

– Вы не понимаете меня. Черт побери, Перри, я хочу, чтобы вы достигли успеха. Я хочу, чтобы колония достигла успеха. Меньше всего на свете я хочу подвергнуть сомнению руководящее положение вас и вашей уважаемой супруги. Если бы я поступил так, то подверг бы опасности жизнь всех колонистов. Я не враг вам. Напротив, я хочу помочь бороться с истинными врагами.

– Вы утверждаете, что Департамент колонизации готов погубить две с половиной тысячи человек только для того, чтобы досадить вам?

– Нет. Не для того, чтобы досадить мне. А чтобы ликвидировать ту угрозу, которая нависла над их методами колонизации. Чтобы помочь СК железной рукой управлять колониями. Две с половиной тысячи колонистов – не слишком дорогая плата за такой результат. Если вы имеете какое-нибудь представление о колонизации, то должны знать, что две тысячи пятьсот человек – стандартная численность первоколонии. Мы время от времени теряем первопо-

селения, эти потери предусматриваются планами. Мы привыкли к таким потерям. Ведь речь идет не о жизни и смерти двух с половиной тысяч человек, а всего лишь об одной первоколонии.

Но тут следует еще более интересный поворот. Да, одна погибшая первоколония – это всего лишь утрата в пределах стандартов ДК. Но ведь колонисты были набраны в десяти различных мирах СК, ни один из которых прежде не осуществлял колонизации. Гибель колонии отзовется глубокой болью на каждом из них. Она явится тяжким ударом по духу каждой нации. И тогда-то ДК получит возможность сказать: теперь вы видите, почему мы удерживаем вас от попыток самостоятельной колонизации. Для вашего собственного блага. Они выложат этот аргумент колониям, все проглотят его, и мы вернемся к существующему положению.

– Интересная теория, – заметил я.

– Перри, вы же много лет прослужили в Силах самообороны колоний. Вы на собственном опыте знаете, к каким результатам приводит политика СК. Скажите мне, только откровенно: неужели вы, со всем вашим опытом, считаете, что тот сценарий, который я сейчас обрисовал вам, целиком и полностью лежит вне царства реальности?

Я ничего не ответил. Трухильо мрачно улыбнулся.

– Подумайте над этим, Перри. Пусть мои слова послужат пищей для размышлений к тому времени, когда вам с женой захочется снова хлопнуть дверью перед нашими носами на одном из следующих совещаний. Не сомневаюсь, что вы поступите самым полезным для колонии образом. – Он посмотрел через мое плечо. – По-моему, наши дочери успели познакомиться.

Я повернулся и увидел, что Зои оживленно разговаривает с одной из тех девочек, которых я заметил раньше, – той самой, что позвала ее.

– Похоже на то, – ответил я.

– И, кажется, прекрасно ладят между собой, – добавил Трухильо. – Думаю, что это и есть истинное начало нашей колонии Роанок. Надеюсь, мы сможем последовать их примеру.

– Что-то я никак не могу верить в искренность и самоотверженность Манфреда Трухильо, – сказала Джейн.

Она полулежала в постели. Я сидел рядом на стуле. Варвар развалился на кровати у нее в ногах и безостановочно вилял хвостом.

– Нас, таких недоверчивых, двое, – отозвался я. – Беда в том, что я никак не могу отбросить все то, что он мне наговорил.

– Почему же? – удивилась Джейн.

Она протянула руку к кувшину, стоявшему на ночном столике, но не достала. Я налил воды в стакан.

– Помнишь, что Хикори говорил о планете Роанок? – спросил я, подавая ей воду.

– Спасибо, – пробормотала она и в пять секунд осушила весь стакан.

– Ого! – воскликнул я. – Ты уверена, что тебе стало лучше?

– Я в полном порядке, просто пить хочется.

Джейн протянула мне стакан, и я снова наполнил его. На этот раз она пила не так жадно.

– Итак, ты говорил о планете Роанок, – напомнила она.

– Хикори сказал мне, что планета Роанок на самом деле принадлежит обинянам. Если Департамент колонизации и впрямь рассчитывает на гибель этой колонии, такая провокация может иметь смысл.

– То есть: зачем торговаться из-за планеты, если известно, что твои колонисты все равно не удержат ее, – подхватила Джейн.

– Именно так. – Я кивнул. – И еще одно. Сегодня я был на погрузке, смотрел ведомости с грузовым помощником, и он между делом сказал, что мы берем с собой много устаревшего снаряжения.

– Это, наверно, имущество меннонитов, – предположила Джейн и отхлебнула еще воды.
– Так я ему и сказал. Но после разговора с Трухильо я еще раз просмотрел грузовые ведомости. Начальник багажа был прав. Там куда больше старья, чем можно было бы списать на меннонитов.

– У нас что, некомплект оборудования? – удивилась Джейн.

– В том-то и загадка. Никакого некомплекта нет. У нас целая куча различного старья, но не вместо современного, а вдобавок к нему.

Джейн задумалась.

– И что, по-твоему, это может означать?

– Я не знаю, означает ли это что-нибудь вообще. Ошибки в поставках случаются то и дело. Помню, однажды, когда я еще служил в ССК, нам прислали вместо медикаментов огромный контейнер с носками всех размеров и расцветок. Возможно, случилась особо крупная накладка и нам загрузили чье-то чужое имущество.

– Надо спросить генерала Райбики, – сказала Джейн.

– Его нет на станции. Уехал сегодня утром. И не куда-нибудь, а на Коралл. В его штабе говорят, что он будет наблюдать там за диагностикой новой сети планетарной защиты. И вернется только через стандартную неделю. Я попросил его сотрудников разобраться с инвентарем колонии. Но для них это не слишком важно – ведь наш груз не представляет очевидной опасности для благосостояния колонии. У них до нашего отправления будет масса других забот. Но не исключено, что у нас чего-то не будет хватать.

– Если нам чего-то не хватает, нужно как можно скорее выяснить, чего именно.

– Я это и сам знаю. И как бы мне ни хотелось относиться к Трухильо как к одному из бесчисленных прыщей на ровном месте, одержимых манией величия, нельзя вот так, сразу, отбрасывать мысль о том, что он и на самом деле всем сердцем печется об интересах колонии. Учесть все возможности чертовски трудно.

– Не исключено, что он действительно прыщ на ровном месте и в то же время всем сердцем печется, – предположила Джейн.

– Ты всегда видишь во всем светлую сторону, – отозвался я.

– И еще поручи Савитри пробежаться по ведомостям. Она сможет свежим глазом заметить что-нибудь из того, что мы могли пропустить. Я велела ей как следует разобраться во всем, что связано с первоколониями, организованными в последние годы. Если чего-то не хватает, она это заметит.

– А тебе не кажется, что ты чересчур загружаешь ее работой? – осведомился я.

Джейн пожала плечами:

– Это ты постоянно недогружал Савитри. Потому-то я и взяла ее с собой. Она способна на куда более серьезные дела, нежели те, которые ты ей доверял. Хотя здесь не только твоя вина. Ведь тебе не приходилось иметь дела ни с чем хуже этих безмозглых братьев Ченджелпет.

– Ты так говоришь только потому, что никогда не имела с ними дела, – возмутился я. – А надо было хотя бы разок пообщаться с ними.

– Если бы мне пришлось возиться с ними, то один разок оказался бы и первым, и последним. Они у меня сделались бы кроткими как овечки.

– Как прошла твоя встреча с генералом Сциллардом? – спросил я, поспешив изменить тему, прежде чем моя компетентность подвергнется еще более жесткой критике.

– Прекрасно. Между прочим, он говорил мне примерно то же самое, что ты сегодня услышал от Трухильо.

– Что ДК посылает нашу колонию на верную гибель?

– Нет. Что вокруг нашего дела идут очень большие политические игрища, о которых мы с тобой ничего не знаем.

– Какого рода?

– Он не вдавался в подробности. Сказал, что сообщает об этом только потому, что не сомневается, что мы сможем справиться с трудностями. И еще спросил меня, не хочу ли я на всякий случай получить мое старое тело – образца Специальных сил.

– Ай да Сциллард, – заметил я. – Ну и шутник.

– Вообще-то это была не совсем шутка, – сказала Джейн, а когда я ответил на эти слова прекрасно удавшимся мне испуганным взглядом, успокаивающе подняла руку: – Все равно моего старого тела у него нет. И он не собирался вновь натягивать на меня зеленую кожу. Это значило лишь, что, по его мнению, мне лучше было бы отправиться в новую колонию с хорошим телом, а не с немодифицированным человеческим.

– Забавная мысль.

Тут я заметил, что Джейн начала потеть, и потрогал ее лоб.

– По-моему, у тебя самый настоящий озноб. Это что-то новенькое.

– Немодифицированное тело... – протянула Джейн. – Рано или поздно я должна была заболеть.

– Дать тебе еще воды?

– Нет, пить я не хочу. Зато, кажется, я здорово проголодалась.

– Сейчас узнаю, нельзя ли заказать для тебя что-нибудь с камбуза. Чего бы ты хотела?

– А что у них есть?

– Думаю, что почти все.

– Вот и прекрасно. Я съем что-нибудь одно из этого всего.

Я вытащил ЭЗК, чтобы связаться с кухней.

– Все-таки хорошо, что на «Магеллане» двойной запас продовольствия.

– Если я буду чувствовать себя так же, как и сейчас, его надолго не хватит, – пошутила Джейн.

– Ну и ладно, – ответил я. – Но, если мне не изменяет память, древние учили лечить лихорадку голодом.

– В моем случае, – возразила Джейн, – твои древние глубочайшим образом заблуждались.

4

– Точь-в-точь как массовое гулянье на Новый год, – сказала Зои, окинув с нашего небольшого возвышения обзорную палубу, где ликовали толпы колонистов. Мы уже неделю путешествовали на «Магеллане», и до скачка в систему, где вращался вокруг своего светила Роанок, оставалось меньше пяти минут.

– Это именно оно и есть, – ответил я. – Как только совершится скачок, начнется официальный отсчет времени колонии – первая секунда первой минуты первого дня первого года времени Роанока. Приготовься к суткам по двадцать пять часов восемь минут и годам по триста пять дней.

– Я буду чаще праздновать дни рождения, более часто! – обрадовалась Зои.

– Да, – согласился я. – И праздники будут длиннее.

Рядом с нами Савитри и Джейн вполголоса что-то обсуждали, глядя на монитор ЭЗК Савитри. Первым моим побуждением было сострить по поводу их чрезмерной преданности работе, но я тут же передумал. Они очень быстро образовали организационное звено системы управления, в чем я не видел ничего удивительного. Если они считали дело достаточно важным для того, чтобы заниматься им прямо сейчас, значит, оно, по всей вероятности, того стоило.

Джейн и Савитри были мозгом нашего штаба, а я занимался контактами с общественностью. За минувшую неделю я провел по нескольку часов со всеми группами колонистов, отвечая на их вопросы о Роаноке, о себе, о Джейн и обо всем остальном, что они хотели знать. У каждой группы были свои странности и причуды. Колонисты с Эри держались несколько отчужденно (возможно, на их отношении ко мне сказывалось влияние Трухильо; он, пока я говорил, сидел в последнем ряду), но постепенно оттаяли, особенно когда я прикинулся идиотом и пробормотал на ломаном испанском несколько фраз, которые помнил еще со школьных дней. После этого мы исподволь перешли к обсуждению «новых испанских» слов, родившихся уже на Эри для обозначения местных растений и животных.

Меннониты с Киото, напротив, приняли меня очень радушно, угостив для начала вкуснейшим пирогом с фруктовой начинкой. После чего, к немалому моему удивлению, принялись безжалостно терзать вопросами обо всех сторонах управления колонией, чем очень позабавили Хайрама Йодера.

– Пусть мы ведем простую жизнь, но мы вовсе не простаки, – сказал он мне позже.

Колонисты с Хартума все переживали из-за того, что им не дали поселиться отдельным землячеством. Поселенцы с Франклина хотели знать, насколько большую поддержку окажет нам Союз колоний и можно ли им будет ездить в гости на Франклин. Альбионские представители волновались по поводу мер, предусмотренных на случай нападения врагов. Уроженцам Феникса было крайне важно выяснить, останется ли у них после рабочего дня достаточно времени, чтобы учредить лигу софтбола и проводить регулярные игры.

Со всеми вопросами и проблемами – большими и малыми, сложными и тривиальными, серьезными и шутливыми – обращались ко мне, а моя работа заключалась в том, чтобы всех внимательно выслушать, дать понять, что к их беспокойству относятся серьезно, и, по возможности, удовлетворить многочисленные запросы. В этом деле неоценимым оказался мой недавний опыт работы омбудсменом. И не только потому, что я знал, как решать проблемы и находить ответы, но и потому, что я хорошо научился за несколько лет выслушивать людей и убеждать их в том, что их вопросы не останутся без решения. К концу нашего недельного путешествия на «Магеллане» народ начал подходить ко мне с просьбами разрешить пари, заключенные в баре, или мелкие ссоры; это очень напоминало старые времена.

Продолжительные собрания и беседы с отдельными колонистами были очень полезны и для меня самого: они позволяли понять, что собой представляют все эти люди и насколько

хорошо они смогут поладить друг с другом. Я не уверовал в теорию Трухильо, согласно которой многонациональная колония являлась порождением саботажников-бюрократов, но и не уподобился Поллианне³, видевшей во всем лишь чудесную гармонию. Уже в тот самый день, когда «Магеллан» тронулся в путь, группа подростков с одной планеты попыталась устроить драку со сверстниками из других миров. Гретхен Трухильо и Зои удалось насмешками усмирить драчунов, доказав тем самым, что нельзя недооценивать силу презрения юной девушки. Но, когда Зои рассказала об этом случае за обедом, мы с Джейн уделили случившемуся должное внимание. Подростки могут вести себя крайне глупо, не ведая, что творят, но ведь они строят свое поведение на примере взрослых, руководствуясь теми сигналами, которые получают от них.

На следующий день мы объявили турнир по игре в вышибалы, исходя из посылки, что эта древняя и простая игра в той или иной форме хорошо известна во всех колониях. Представителям колоний мы намекнули, что будет хорошо, если они смогут уговорить детвору проявить себя. В результате мы смогли укомплектовать десять команд по восемь человек, отбравшихся по жребию, и потому каждая команда состояла из представителей разных планет. Одновременно мы составили график игр; финальное соревнование должно было состояться незадолго до скачка в систему Роанока. Таким образом мы нашли подросткам занятие и заставили их между делом познакомиться со своими сверстниками из других колоний.

К концу первого дня игр взрослые собрались посмотреть на соревнования – как-никак им тоже было нечего делать. Уже на второй день я видел, как люди из одних колоний болтали с представителями других о шансах команды их детей достичь финала. Мы делали успехи.

На исходе третьего дня Джейн пришлось разогнать кучку зрителей, затеявших делать ставки на играющих ребят. Ладно, пусть наши успехи имели некоторые изъяны. Ну а что вы предложили бы на нашем месте?

Ни Джейн, ни я, конечно, не питали иллюзий, что игра в вышибалы приведет нас к вселенской гармонии. Слишком дерзко было бы ожидать такого от соревнования, в котором мальчишки и девчонки кидают друг в дружку ярко-красный мяч. Да и сценарий саботажа, с которым носился Трухильо, нельзя выкинуть из головы так же легко и просто, как мячик. Но вселенская гармония могла и подождать. Нам было достаточно того, что люди начинают общаться и привыкать друг к другу. Этой цели наш маленький турнир послужил очень даже неплохо.

После финала и церемонии награждения – «Драконы», которых никто не принимал всерьез, в драматическом поединке взяли верх над громившими всех подряд «Земляными слизняками», покоровшими мое сердце одним лишь названием, – большинство колонистов остались коротать недолгое время, что оставалось до скачка, на обзорной палубе. Множество информационных экранов демонстрировало вид пространства впереди по курсу «Магеллана». Сейчас там было черным-черно, но сразу же после скачка на экранах должно было появиться изображение Роанока. Колонисты были возбуждены и счастливы; слова Зои насчет новогоднего гулянья пришлись в самую точку.

– Сколько еще осталось? – спросила Зои.

Я взглянул на свою ЭЗК:

– Всего ничего. Минута двадцать секунд.

– Дай-ка мне посмотреть! – потребовала она и выхватила у меня ЭЗК.

Свободной рукой Зои взяла микрофон, которым я пользовался, когда поздравлял «Драконов» с победой.

– Эй! – воскликнула она, и все головы повернулись к нам. – До скачка осталась минута!

³ Поллианна – героиня рассказов американской детской писательницы Э. Портер (1868–1920), находящая причины для радости в самых бедственных ситуациях.

Колонисты разразились восторженными криками, и Зои принялась отсчитывать пятисекундные интервалы. На сцену вскарабкалась Гретхен Трухильо в сопровождении двух мальчиков; все трое уселись рядом с Зои, и один парнишка сразу же обнял Зои за талию.

Я толкнул Джейн локтем.

– Ты видишь?

– Это, вероятно, Энцо, – отозвалась Джейн.

– Энцо? Кто такой Энцо?

– Успокойся, девятилетний папаша, – сказала Джейн и вдруг тоже обняла меня за талию, что было очень необычно для нее.

Как правило, она откладывала проявления привязанности до тех пор, пока мы не оказывались вдвоем. Но после приступа лихорадки она почему-то стала вести себя несколько свободнее.

– Ты же знаешь, что мне не нравится такое твое поведение, – наставительно заметил я. – Оно подрывает мой авторитет.

– Наплевать, – коротко ответила Джейн.

Я ухмыльнулся.

Зои дошла до двадцати секунд и теперь вместе с друзьями вела посекундный обратный отсчет; к ним присоединился нестройный хор колонистов. Когда прозвучало слово «ноль», наступила тишина. Все повернулись к экранам. Еще мгновение, которое казалось вечностью, на них оставалась чернота, испещренная точками звезд, а потом прямо по курсу возникла большая зеленая планета.

Палуба взорвалась восторгом. Люди начали обниматься и целоваться, кто-то, вероятно, за отсутствием более подходящей песни, загорланил «Доброе старое время»⁴.

Я повернулся к жене и поцеловал ее.

– С новым миром тебя.

– И тебя с новым миром, – отозвалась она и тоже чмокнула меня, а потом нас чуть не повалила Зои, пытавшаяся расцеловать обоих сразу.

Через пару минут, освободившись из объятий Зои и Джейн, я заметил, что Савитри пристально смотрит на ближайший экран.

– Теперь можешь расслабиться, – посоветовал я. – Планета никуда не денется.

⁴ «Доброе старое время» – шотландская песня на слова Роберта Бернса (1759–1796), которую по традиции поют на прощание в конце праздничного обеда, митинга и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.